

ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ

Издательство „Правда“. 1948 г.

10

№ 10

П И О Н Е Р

ОКТЯБРЬ
1948 г.

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Тридцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола — большое событие в жизни всей молодёжи нашей страны.

Пионеры и школьники тоже приготовились к встрече этого праздника. В школах и пионерских дружинах проводятся торжественные вечера и сборы в честь славного юбилея, пионеры готовят подарки комсомолу.

На снимке: делегаты средней школы № 1 города Косова, Станиславской области. Они привезли в подарок ЦК ВЛКСМ украденную народной гуцульской резьбой шкатулку для трёх орденов, которыми награждён комсомол.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Художник В. Климашин.

Славный путь

«Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму...»

(Из старой комсомольской песни)

Год за годом растёт наш комсомол. В октябре нынешнего года мы празднуем его славное тридцатилетие.

Годы идут, и первые комсомольцы, которым в 1918 году было по шестнадцать — семнадцать лет, стали теперь уже коммунистами. Три десятилетия — немалый срок.

Но выросли одни комсомольцы, и на смену им пришли другие, молодые. Как и тридцать лет назад, комсомол звенит молодыми голосами, он всё тот же жизнерадостный и отважный борец за дело нашей партии. И попрежнему молодые люди, вступая в члены ВЛКСМ, мечтают о подвигах во славу народа и клянутся быть верными Родине до конца, до последней минуты жизни.

«Счастливый комсомол...» — говорил Михаил Иванович Калинин. Да, счастливый! Нет на свете большего счастья, чем сознание, что ты один из бойцов великой сталинской армии. И каждая её победа — это и твоя победа. В ней вложен твой труд, твоя борьба, сила, молодость, вдохновение. Эта ни с чем не сравнимая радость даже в самые тяжёлые минуты придаёт силу и мужество.

Вспомните Зою Космодемьянскую... На помосте виселицы, окружённая врагами, она гордо и мужественно произнесла слова, которые жили в её сердце:

— Я не одна, нас двести миллионов... С нами Сталин...

Так же героически вела себя и другая девушка, жизнь которой оборвалась почти тридцать лет назад. Поля Барк была одной из первых комсомолок. Её записка, написанная ею в белогвардейской тюрьме, в последние часы перед смертью:

«Дорогие товарищи. Ещё 24 часа осталось жить... Умираем с полным сознани-

ем, что правое дело, за которое мы погибли, восторжествует... Поля Барк».

Эти две девушки никогда не знали друг друга, даже жили они в разное время, но обе они черпали своё бесстрашие в уверенности, что коммунизм победит.

Много в этом тридцатилетии было героев и героинь. Много раз весь мир поражался стойкости и твёрдости духа советской молодёжи.

«Комсомол богат хорошими людьми», — сказал секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ товарищ Михайлов. Да, целая галерея знакомых дорогих лиц проходит перед глазами, когда оглядываешься на пройденный комсомолом путь. Маленький храбрый пулемётчик Афанасьев и Анка-пулемётчица (Мария Попова), машинист-стахановец Пётр Кривонос и ткачихи Дуся и Мария Виноградовы, боец Александр Матросов, грудью закрывший вражеский пулемёт, звёзньевая Ольга Бондарюк, вырастившая богатый урожай хлеба, — все эти имена связаны с большими событиями в стране. Сколько хороших юношей и девушек, которые так самоотверженно трудились, учились, воевали! Это они создали героическую биографию комсомола. Каждый был на посту, выполнял свою работу, свой долг. И как из маленьких рек образуются могучие потоки, так из усилий комсомольцев сложились легендарные комсомольские дела. Ныне три ордена украшают знамя Ленинского комсомола. Это высокая награда Родины, немеркнущая слава комсомола.

«Рождённые бурей» — так назвал Николай Островский первых комсомольцев. Да, тогда, в 1918 году, в стране бушевала буря, шла война, кровавая, беспощадная, не на жизнь, а на смерть. В этих боях ро-

дился комсомол. На своём первом съезде Коммунистический Союз Молодёжи поклялся отдать все силы на борьбу с врагом.

Тот, кто становился в те дни комсомольцем, знал, что ждёт его фронт, полная опасностей жизнь. Николай Островский рассказывал: «Вместе с комсомольским билетом нам вручали винтовку и 200 патронов».

Десятки тысяч смелых юношей и девушек шли в комсомол, становились солдатами революции. Это было боевое крещение комсомола. Он возмужал, прославились в боях молодые солдаты. За боевые заслуги комсомольцев на фронтах гражданской войны Родина наградила комсомол орденом Красного знамени.

А когда враги были разбиты, комсомольцы по зову партии стали первыми бойцами на трудовом фронте. Это молодёжь помогла появиться на географической карте новым именам: Магнитогорск, Кузнецк, Днепрогэс — и именам многих других промышленных гигантов. То был тяжёлый труд. Вот что рассказывает академик Бардин, работавший в то время главным инженером Кузнецкого металлургического комбината:

«Работали круглые сутки... Когда на половине котлована вдруг обнаружились плынущи, котлован продолжали рыть, стоя по пояс в ледяной воде. Сильные морозы сковывали вязкую глинистую почву площадки. Экскаваторы задыхались на морозе, но каменную почву надо было разбить. Комсомольцы объявили субботник. Дезертиров не было. Были энтузиасты, борцы».

Одна из самых больших доменных печей в Магнитогорске носит название «Комсомолка» — в память о том, что строили её комсомольцы. И на далёком Амуре стоит город Комсомольск, от первого до последнего кирпича сложенный руками молодых советских людей.

За проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивших успешное выполнение пятилетнего плана народного хозяйства, комсомол был награждён вторым орденом — орденом Трудового красного знамени.

А третий орден — самая высокая награда, орден Ленина — был вручен комсомолу за выдающиеся заслуги перед Родо-

диной в годы Отечественной войны против гитлеровской Германии.

Мы помним и Александра Матросова, и летчика Петра Харитонова — он дважды таранил немецкие бомбардировщики, и Василия Зайцева, который из горящего танка послал свою последнюю радиограмму: «Горим, продвигаемся вперёд», — и храбрых разведчиков, которые шли в тыл к немцам, народных мстителей-партизан.

Милионы героев прославили комсомол на фронте и в тылу. Юноши и девушки беззаветно сражались за Родину, за свободную и счастливую жизнь в социалистическом отечестве. Ведь ни в одной капиталистической стране молодые люди даже в самых смелых мечтах не могут представить себе такую жизнь, которую советская Родина дала своей молодёжи. Наша молодёжь может выбирать любую профессию, учиться, заниматься спортом, путешествовать. Было бы только желание — можно достигнуть всего, что задумашь. И мы высоко должны ценить наше прекрасное настоящее, созданное великой работой коммунистической партии, и наше светлое будущее.

Разные задачи выдвигала перед нашей страной жизнь в этом тридцатилетии, и всегда большевистская партия, товарищ Сталин указывали молодёжи путь и цель: вот где нужны твои молодые силы, комсомол. Вот дело, которое ждёт твоего боевого задора, твоей энергии, смелости. И комсомол твёрдо шёл к цели. Комсомол был всегда в первых рядах борцов. Товарищ Сталин сказал: «Я не знаю случаев, когда бы он отставал у нас от событий нашей революционной жизни».

И так будет всегда. Комсомол всегда будет верным помощником партии.

Коммунистическая партия вела комсомол и в боях и в труде. Она воспитывала его, вдохновляла на подвиги, служила высоким примером в борьбе за светлое будущее человечества.

В день славного тридцатилетия мы оглядываемся не только назад, на пройденный путь. Мы смотрим и вперёд. И среди пионеров, носящих красные галстуки, мы видим будущих комсомольцев, преданных делу Ленина — Сталина. Мы верим, что они впишут в историю комсомола новые славные страницы. Пусть перед ними всегда живёт пример героев и героинь, с честью выполнивших свой долг перед народом!

Комсомольский значок

Евг. Долматовский

Был юноша принят вчера в комсомол;
Счастливый и гордый к отцу он пришёл
Волнёнем своим поделиться.
Промолвил отец: — Поздравляю, сынок,
Хороший подарок не зря я берёг,
Теперь он тебе пригодится.

Достал он из ящика красный флагок,
Нагрудный флагок — комсомольский значок,—
И вспомнил двадцатые годы.
И, сыну значок приковавши на грудь,
Сказал он: — Достоин товарищей будь,
Будь верным слугою народа!

Вся юность моя в комсомоле прошла,
И мама твоя комсомолкой была,
Значок этот скромный носила.
Мы шли через пламя гражданской войны,
На первые стройки Советской страны,
В сраженьях росла наша сила.

— Отец, беззаботно пойду я вперёд,
Нас партия славной дорогой ведёт,
Верны мы великой Отчизне!
На сердце горит комсомольский значок,
Как будто бы маленький красный флагок
На карте пути к коммунизму.

Рассказы о вожатых

Где бы ты ни жил, в каком бы классе ни учился, всюду и всегда рядом с тобой надёжный и заботливый друг, посланец комсомола — пионер-вожатый. Он пойдёт вместе с тобой в поход, поддержит в трудную минуту, обрадуется твоим успехам, а самое главное — поможет стать настоящим человеком — сильным, мужественным, честным, горячим патриотом любимой страны.

Посланец комсомола

Мы познакомились с Сашей Френкиным в прошлом году, ещё до начала занятий. Райком комсомола назначил его к нам старшим вожатым. В школе тогда шёл ремонт, но многие ребята, как обычно после каникул, заходили в школу. Потом все удивлялись, как это с первых дней Саша узнал всех ребят. Они не знали, что он познакомился со многими ребятами ещё задолго до 1 сентября.

В нашей дружине много хороших ребят, а работа у нас не клепилась. Мы придумывали интересные дела, но они почему-то срывались. Наметим сбор, а потом переносим его с одного дня на другой. Решим пойти на экскурсию, ребята не собираются — и всё дело расстраивается. С приходом Саши жизнь пошла по-другому. Он очень энергичный человек и не любит лишних слов. Решено сделать сегодня — сегодня и будет сделано. Саша сразу подтянул у нас дисциплину.

Я помню, как на один из первых сборов часть ребят пришла без галстуков. Саша не допустил их к участию в сборе, а потом позвал и рассказал о нашем красном знамени, о революционерах, которые шли в бой под этим знаменем, о солдатах, которые воевали на фронтах.

— Пионерский галстук — символ верности красному знамени, — сказал Саша. — Если у вас есть уважение к бор-

цам, отдавшим жизнь за наше счастье, если вы верны делам и заветам революционеров-большевиков, дорожите своим красным галстуком.

Саша говорил просто, но с такой страстью, что его слова врезывались в память. И я не помню, чтобы пионеры после этой беседы приходили на сбор без галстука.

Саша, как и миллионы других комсомольцев, защищал на войне знамя нашей страны. В начале Отечественной войны Саше было только семнадцать лет, он учился в школе. На фронт Саша пошёл добровольцем. Он участвовал во многих боях, прошёл через все испытания войны, стал бывальным солдатом. После тяжёлого ранения Сашу демобилизовали.

Перед Сашей встал трудный вопрос: как быть дальше? От школы он отстал, многое из того, что учил, позабыл, да и возраст у него уже был такой, что его не могли принять в десятилетку. Он стал работать и учиться. Наверно, ему было трудно. Ведь некоторые ребята от одной учёбы плачут. Но сильная воля помогла Саше. Сейчас он уже в десятом классе вечерней школы и учится на пятёрки и четвёрки.

Пример Саши оказал большое влияние на пионеров. Мы привыкли, что Саша приходит всегда минута в минуту. На каждый день у него составлен план. Это научило и нас ценить время.

Организованность и дисциплина были необходимы нашей дружине. Этих качеств нам и не хватало.

Саша много работал с пионерским активом. Это помогло нам правильно и сознательно строить работу в отрядах. Мы, старшие пионеры, вместе с Сашей читали и обсуждали книгу Н. К. Крупской «О коммунистическом воспитании». Саша рассказывал нам о детских организациях

за рубежом, о том, как живут там дети рабочих, и о буржуазной организации бойскаутов.

Саша многое поручал нам самим.

— Вы сами всё делайте, ни на кого не надейтесь, — говорил он.

Со второй четверти у нас уже повелось так, что всю подготовку к дружинному сбору и сбор проводят члены совета дружинны. Но после сбора Саша собирал нас, и мы обсуждали все недостатки. Он всё замечал: и слабое освещение сцены (звено, которому это поручили, не постаралось), и шум за кулисами, и закрытые окна: в зале было душно. Все эти, на первый взгляд, «мелочи» приучали нас в дальнейшем быть внимательнее, мы чувствовали свою ответственность и самостоятельность.

Сашу любят и уважают все ребята, он пользуется большим авторитетом. Но Саша — не только строгий и умный воспитатель, он весёлый товарищ. После экзаменов Саша собрал ребят, оставшихся в городе, и вместе с ними отправился в поход под Загорск. Всю дорогу мы пели. Саша знал такое множество песен, что казалось, им конца нет. У нас в походе организовался настоящий хоровой ансамбль.

Вечером мы разожгли в лесу костёр. Саша рассказывал нам о войне, о боях, о своих товарищах-солдатах. Потом он рассказал о том, как живут манчжуры и корейцы. Саша видел их и говорит, что такую нищету, в какой живёт там простой человек, даже трудно себе представить.

Он сказал, что, когда мы, пионеры, вырастем, мы будем участниками больших событий. Надо с детства готовиться к ним. Саша привёл нам слова Лазаря Моисеевича Кагановича: «Пионер — это не просто парадный мальчик, не парадно одетая девочка, пионер — это боец».

Никогда не забуду этого ночного костра и рассказов нашего любимого вожатого.

Володя Кузьмин
Москва, 110-я школа.

Товарищ Поля

Товарищ Поля — так взрослые называют нашу вожатую. По имени они зовут её потому, что помнят ещё девочкой: она воспитывалась в нашем детском доме. А «товарищ» добавили с тех пор, как она вернулась с завода. Там, на заводе, Поля делала винтовки. Это было во время вой-

Здесь, на страницах 5, 7 и 9, мы печатаем рисунки со Всесоюзной выставки детского творчества. Эта выставка — подарок ребятам всего Советского Союза к 30-летию комсомола.

«Наш город», акварель
Фридриха Гуревича (город
Харьков).

ны. Поля была тогда совсем молоденькой, она только что окончила ремесленное училище, но работала так хорошо, что даже с фронта получала письма: бойцы благодарили за хорошее оружие. В заводском клубе висел её большой портрет.

А когда окончилась война, Поля Корепанова вернулась в наш детский дом и стала вожатой.

В то время наш детский дом только что отстроили. Он стоит в красивой местности: недалеко протекает река, а на той стороне реки растёт густой лес. Только вокруг дома совсем голо. Поля посмотрела кругом и сказала:

— Что же мы будем смотреть на ту сторону? Надо, чтобы и у нас тут было красиво. Давайте разобьём сад.

Тогда же, ещё в 1945 году, мы посадили первые деревья.

Мы старательно ухаживаем за яблонями и скоро соберём первый урожай. Поднялась акация вокруг сада. Посадили мы и цветы. На нашем берегу теперь стало красиво.

Полю часто называют беспокойным человеком: она не может сидеть сложа руки, всегда придумывает что-нибудь полное. Агафон Иванович, наш директор, рассказывал, что и на заводе Поля была стахановкой, всегда стремилась работать всё лучше и лучше, придумывала разные усовершенствования.

Как-то у неё был интересный разговор с одним мальчиком. Он получил тройку по какому-то предмету и был этому рад.

— По-моему, не стоит радоваться такой отметке! — заметила Поля.

— Почему, Поля? Тройка — удовлетворительная отметка, — сказал мальчик.

— Вот именно, — ответила Поля. — Только удовлетворительная!

А другой раз такой был разговор у меня с Полей. Были объявлены лыжные соревнования школьников. В команду нашего детского дома Поля включила и меня.

— Постарайся прийти первым, — сказала Поля.

Я думал, юна шутит. У меня результаты тогда были неважные, я боялся, что приду последним.

Поля пошла со мной на тренировку. Она хорошо ходит на лыжах и с гор катается.

— Шире шаг! Скользь! — учila она меня.

Я не привык к такому широкому шагу, и сначала у меня болели ноги. Потом стало легче. Результаты улучшились.

На соревнованиях я занял первое место. Поля была очень рада этому успеху. К нашему приезду она устроила целый праздник. Но мне она сказала так:

— Володя, давай условимся: ты будешь попрежнему считать, что ещё плохо ходишь на лыжах. Да и в самом деле, разве ты не можешь ходить ещё лучше, быстрее?

Вот какой «беспрокойный» человек наша вожатая, товарищ Поля. И я постараюсь быть похожим на неё.

Владимир
Удмуртская АССР, Б.-Учинский район,
деревня Николо-Сюога

Ладо теперь комсомолец

В каждом классе бывает ученик, которого все ребята уважают и слушаются. Таким был Ладо. Весёлый, остроумный, зачинщик всяких игр, он был любимцем ребят. Пионеры выбрали его председателем совета отряда. Ладо вполне этого заслуживал: он и сам хорошо учился, и другим помогал, дисциплина у него тоже была хорошая.

Но Ладо был вспыльчив. Под горячую руку он мог обидеть даже самого лучшего друга. Однажды из-за этого произошла большая неприятность. На уроке учительница сделала Ладо замечание. Ладо вспылил и наговорил учительнице дерзостей.

Гиви Сергия, наш вожатый, сказал, что надо извиниться перед учительницей. Но Ладо, словно горячий конь, закусил удила и слушать ничего не хотел. Наоборот. На следующих уроках он вёл себя ещё более грубо. А ребята, вместо того чтобы остановить Ладо, смеялись каждой его выходке. Они так привыкли во всём подражать Ладо, что уже не отличали его хороших поступков от дурных. Так часто бывает: понравится тебе какой-нибудь человек — и идёшь за ним, не думая, куда придёшь. Может быть, Ладо в душе и со-

знал свою вину. Но упрямство и поддержка ребят завели его слишком далеко.

Однажды после уроков я увидел на балконе Гиви и Ладо. Гиви, как всегда спокойный и сдержаный, о чём-то говорил, а Ладо слушал. Он стоял, опустив голову. Лицо у него было красное, напряжённое. По-моему, он даже плакал, хотя я боюсь это утверждать. Плачущий Ладо!

Но то, что произошло потом, было ещё более невероятно, чем слёзы. На глазах всего класса Ладо подошёл к учительнице и сказал:

— Простите меня. Я был очень, очень неправ перед вами. Больше я никогда не позволю себе быть таким грубым.

Спустя много времени Ладо принимали в комсомол. Кто-то вспомнил этот старый случай. Тогда Ладо сказал:

— Мне казалось, что я поступаю, как гордый человек. Я ни за что не хотел просить прощения. Но однажды Гиви рассказал мне о командире, который из-за ложного самолюбия повёл своих бойцов по заведомо неверной дороге. Гиви спросил меня, не поступаю ли я так же. Он тогда очень сильно подействовал на меня, и вы знаете, что я исправил свою ошибку.

Георгий Кикодзе
1-я мужская школа,
Тбилиси.

Старшая сестра

Во время войны у нас случилось сразу два несчастья: фашисты убили моего папу, а вскоре заболела мама и умерла.

Нас осталось трое: я, братишка и маленькая сестрёнка. Бабушка взяла к себе сестрёнку, а тетя, папина сестра, — брата. Я осталась жить у дяди. Всё родные хорошо относились к нам. Рената и Соня Шангобуловы, мои подруги, утешали меня. Но я очень тосковала по папе и маме, почти каждую ночь плакала.

Однажды ко мне подошла Галина Григорьевна, наша пионервожатая. Я думала, что она будет спрашивать о стенной газете. Я тогда была членом редколлегии, а газета у нас выходила нерегулярно. Но Галина Григорьевна заговорила совсем о другом: Она спросила.

— Роза, как живут твои братишка и сестрёнка?

Я сказала, что они живут у родных.

— А ты думаешь о них? Ты им помогаешь?

«Пионерский костёр», автор Жени Семёнова (город Киев).

Я ничего не ответила. Галина Григорьевна продолжала:

— Роза, они всегда должны чувствовать, что у них есть сестра. Ты старшая.

Я заплакала. Мне вспомнилось, как часто об этом говорила мама ещё тогда, когда мы были все вместе. А теперь, когда мама умерла, кто же, как не я, должен стать самым близким человеком для малышей?! Слова Галины Григорьевны словно разбудили меня. Мы долго разговаривали в тот вечер с Галиной Григорьевной о том, что значит быть старшей в семье. И я поняла, что как бы хорошо ни относились к ребятам и бабушка и тётя, у меня есть свои обязанности. А я всё время думала только о себе и о своём горе и совсем забыла о них... Конечно, пока я ещё учусь в школе, много сделать я, наверно, не смогу. Но я постараюсь, когда вырасту, взять на себя заботу о них.

А пока тоже нашлись дела. Раньше я любила шить куклы. Сошью, бывало, мешок, набью его мягкой верблюжьей шерстью, приделаю руки, ноги, голову — и кукла готова. Мои куклы нравились даже старшим девочкам. Теперь я снова принялась шить куклы, но уже не для себя, а для своей сестрёнки. Брату сшила трусики и рубашку.

Потом я стала заучивать наизусть стихотворения и сказки и рассказывать их малышам. Мы стали вместе гулять. Ребята привязались ко мне. Они всегда ждут меня и радуются моему приходу.

Я никогда не говорила Галине Григорьевне, как подействовали на меня её слова. Но они остались у меня в памяти.

— Как бы тяжело ни было, человек всегда должен помнить о своих обязанностях и о своём долге, — сказала Галина Григорьевна во время нашей беседы.

Роза Чурина
Алма-Ата,
школа № 12 имени Кирова.

В походе

Прошлым летом в нашем лагере был вожатым Юра Кучеров. Жили мы там

очень интересно. Многое придумывал Юра, а ещё больше — мы сами. Я сначала даже удивлялась, глядя на некоторых знакомых девочек. В школе им всё казалось скучным, а здесь они стали совсем другими.

Конечно, много значили новая обстановка, живописная природа и весёлый отдых. Но самое главное — с нами был Юра. По-моему, с ним всё интересно, даже такое скучное дело, как уборка лагеря. Юра, например, объявлял, что отряд, который первым закончит уборку, имеет право сделать на расчищенным месте всё, что захочет. Ребята начинали придумывать, спорить и торопились скорее закончить работу. И как же было потом интересно, когда победители устраивали свой отрядный шалаш или спортивную площадку или разбивали какой-нибудь необыкновенный цветник!

Когда я была председателем совета дружинки в школе, то часто обижалась на ребят. Скажешь кому-нибудь: «Нарисуй заголовок для стенгазеты», — а в ответ услышишь: «Красок нет», «Кисть плохая», «Бумага не годится». Может быть, правда, и краски плохие, и кисть не годится, но всё-таки дело не в этом. Просто человеку не хочется. Вот я вспоминаю наш лагерный костёр. У нас ничего не было — ни костюмов, ни декораций, ни денег, чтобы купить их. А костюмы у нас были замечательные. Шестнадцать отрядов выступало на костре, и каждый отряд был одет по-своему. Особенно мне запомнился отряд девочек в грузинских костюмах. Все тридцать пионерок были одеты, как одна: все в белых длинных платьях с красивыми узорчатыми жилетами, с блестящими диадемами и бусами. За плечами у них развевались лёгкие, прозрачные покрывала. А из чего всё это было сделано? Диадемы — из картона, бусы — из лесных ягод, а белые платья — даже не платья, а обыкновенные простыни. Мальчики из младшего отряда щеголяли прекрасными лакированными сапогами. Наши гости просто ахнули, когда увидели их. Но эти сапоги были с «секретом»: прямо на тапочки надевались картонные голенища, выкрашенные в чёрный цвет.

По-моему, всё было так интересно потому, что и придумывали и делали всеми ребята.

Юра часто говорит, что любит самостоятельных ребят. И он старается сделать своих пионеров самостоятельными

людьми. Один раз мы пошли в далёкий поход с ночёвкой. Пошло пятьдесят ребят. Вёл колонну один мальчик. Он был начальником похода. Я была тогда комиссаром. Мы выпускали походные листовки, устраивали беседы, концерты, у меня было двое связных на велосипедах. Они отвозили в наш лагерь донесения. В походе всё делали сами ребята.

Юра, конечно, был с нами, только он шёл, как самый рядовой пионер. Юра очень хорошо знал дорогу. Перед походом он взял трёх мальчиков и прошёл с ними по этому пути. Теперь эти три мальчика были нашими разведчиками и шли впереди всех. Только один раз Юра вмешался в распоряжение начальника похода. Вот как это произошло.

По заданию, две наши девочки пошли в лагерь, мимо которого мы тогда проходили. На обратном пути они заблудились. Кто-то разметал дорожные знаки, которые мы им оставили. А в этих местах легко заблудиться: леса тянутся на десятки километров, много болот. Девочки вышли к болоту и растерялись. Куда дальше идти?

В это время в небо взлетело три красных ракеты. Это Юра велел выстрелить из ракетницы, подать сигнал девочкам. А начальник похода хотел послать на поиски разведку. Юрино предложение было гораздо лучше. Девочки скоро нашли нас.

Юра очень доверяет ребятам. Но он ни-

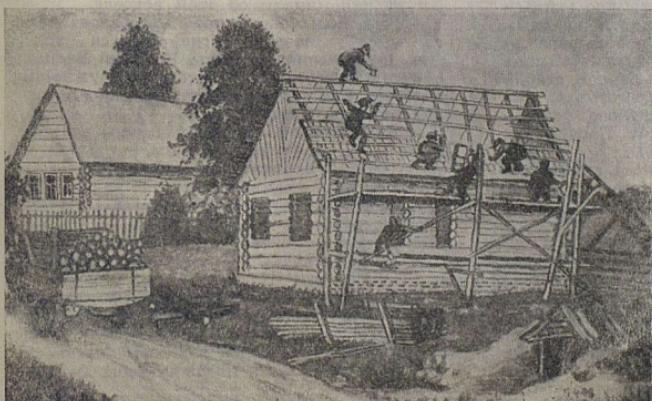
когда не прощает лжи или обмана. Однажды два мальчика самовольно убежали из лагеря к реке. На вечерней линейке дежурный по лагерю велел этим мальчикам выйти из строя и рассказать, как было дело, но они заранее сговорились между собой и стали говорить, что они не ходили на речку. Тогда Юра сказал:

— Вы знали, что у нас опасная река: там много водоворотов. Вы знали, что бегать туда в неурочные часы запрещено. Но всё-таки вы это сделали. Скверный поступок! И всё же его можно ещё было бы простить, но то, что вы перед лицом всей дружины говорите неправду, что здесь, у нашего красного знамени, сготите, как трусы и обманщики, — этого простить нельзя! Я исключаю вас из лагеря.

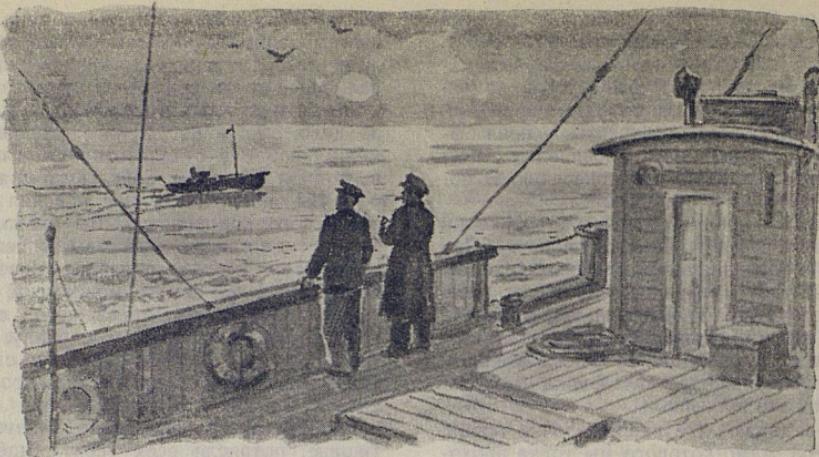
Эти слова, произнесённые в глубокой тишине, потрясли всех ребят. Ещё так недавно мы читали «Молодую гвардию», и сейчас многим вспомнились герои-краснодонцы. Никто не заступился за этих мальчиков. Нам даже не было их жаль. Только наутро, когда они садились в поездку, чтобы уехать из лагеря, стало их жалко, но мы чувствовали, что это справедливо.

Вступив в комсомол, я особенно часто стала вспоминать Юру Кучерова. Он, даже ещё когда сам был учеником, умел быть организатором и вожаком ребят.

Лора Ямпольская
Ленинград. 188-я школа.

«Стройка в колхозе», линварель Володи Соколова (город Калинин).

Судьба одного корабля

«Термин «корабль» употребляют преимущественно по отношению к военному судну...»
(Из морского словаря.)

Рассказ А. Некрасова

Бывает так: встретишь человека и пройдёшь мимо, а потом вдруг узнаешь о его делах, о подвигах, о приключениях, одним глазком заглянешь в беспокойную его судьбу — и обидно станет, что не рассмотрел, не узнал поближе этого человека.

Вот такой случай вышел недавно и у меня, только не с человеком, а с кораблём.

Было это на Каспии. Мы шли полным ходом на север. Солнце ещё не встало, но было уже светло. Вдруг где-то слева послышался нарастающий стук мотора. Потом неясным силуэтом обрисовался корпус небольшого судёнышка, и, раздирая клочья тумана, вышел прямо на нас одномачтовый баркас старой постройки. В Каспийском море сотнями промышляют такие баркасы, и я без всякого интереса провожал его взглядом. Баркас, как баркас.

Он торопился куда-то, и за ним, как собака за возом, высунув чёрный нос из-под рыжей копны дублённых сетей, бежала на буксире большая лодка.

Упрямко расталивая свинцовую воду, судёнышко прошло у нас за кормой, раза два лениво кинулось на нашей волне и пошло дальше своей дорогой навстречу утру. «Комсомолец», — прочёл я выцветшую надпись на кормовой доске...

В это самое время лёгким вздохом прошёл над водой ветерок, плотный холодный туман заворочался коричневыми клубами, море вспыхнуло розовыми бликами, и, ещё

Рис. Б. Винокурова

не увидев солнца, мы поняли, что, поднявшись над горизонтом, оно шлёт нам свой утренний привет.

На палубу баркаса вышел стройный парень в полосатой тельняшке. Он осмотрелся кругом, прошёл на корму и на коротком флагштоке поднял красный советский флаг.

Я взошёл на мостики, а когда обернулся, судёнышко уже растаяло в тумане, и только чащё вздохи болидера¹ ещё несколько минут напоминали об этой встрече.

— За селёдкой? — спросил я безразлично, взглядом указав туда, где скрылся баркас.

— За килькой, — ответил Василий Васильевич, наш штурман, полвека прослуживший на Каспии и знавший тут, как он сам говорил, каждую щепку.

— За килькой, — повторил он, — килька — тоже рыба. А, между прочим, — добавил он, помолчав, — славный корабль!

— Корабль? — удивился я.

— А что же вы думаете? Корабль! И при том почтенного возраста — двадцать девять лет на воде...

— Ого! — сказал я с уважением. — Значит, девятнадцатого года постройки?

— Выходит так, — согласился Василий Васильевич и, помолчав, вздохнул о чём-то.

Он всегда так вздыхал, вспоминая о прошлом, и почти каждый раз такой вздох служил предисловием к новой морской истории.

¹ Болидер — судовой двигатель устаревшей системы.

Черные паруса

— Да, — сказал Василий Васильевич, помолчав, — девятнадцатый год... Война, тиф, голод... С запада шёл на нас Деникин, с востока — Колчак, а здесь, в море, хозяинчил тогда английский адмирал Норрис. Конечно, свой флот англичане сюда перегнать не могли, зато каспийские корабли прибрали к рукам, на торговых пароходах поставили пушки и всей армадой грозили ударить по Астрахани.

Тревожное было время. Англичане крепко вцепились тогда в нашу нефть, трудно было их сбросить. Но как ни прочно сидели они в Баку, сами понимали: сидят, как воры в чужой квартире: вот-вот придёт хозяин. Они завели большие строгости: повсюду посты, патрули, пикеты, и, конечно, выход в море был под строгим контролем.

В то время в Баку жил один хитрый грек, по фамилии Триантифилиди. Когда-то бегал он в рваных штанцах по базару, торговал рыбой вразнос. Потом вдруг раздобрел, полез в гору, завёл собственный рыболовный флот и стал промышлять в море.

С англичанами у него было старое знакомство. Ещё с царских времён он поступил на службу в английскую разведку. Заслуги его не забыли: сам Норрис принял грека, и с тех пор его баркасы выходили на промысел, как в мирное время.

Дела у грека пошли, он решил строить новые посуды. Тогда и спустили на воду этот баркас, имя дали ему «Тритон», а шкипером грек назначил Николая Бичевина...

Николая я знал с мальчишеск. Род он сиротой. Морскую службу начал с восьми лет, и, конечно, немало линьков от него пообстреляли. Зато море он знал и дело знал.

А с греком свёл их нечаянный случай.

Как-то Триантифилиди с пьяной компанией поехал кататься, вывалился из лодки и пошёл ко дну. Николай оказался тут, рядом. Он вытащил грека за штаны, а грек в благодарность принял Николая на службу. Такой случай никак нельзя было пропустить, и партийный комитет дал Николаю задание — войти в доверие к хозяину. И это ему удалось вполне.

Николай и вёл себя соответственно: делал вид, что жмёт пот из команды, на берегу распивал холодное пиво с английскими кондукторами, в петлице стал носить английский флаг, — и бывшие друзья обходили Николая сторонкой: думали, продался. Так и говорили: «Шкура продажная!..»

Неделю было носить эту славу. Зато у английской разведки Бичевин числился в списках благонадёжных русских. В бакинском подполье таких было немногого, и, конечно, их берегли для особых случаев.

Как раз в это время пропа-

лилась группа бакинских ребят-подпольщиков. Дело у них обернулось круто. На бакинской земле места им не осталось, и вышло на выбор три дороги: либо на виселицу, либо в глубоком подполье скучать без дела до лучших времён, либо морем к нашим берегам. Конечно, выбрали они последнее, потому что ребята все, как один, подобрались молодые, горячие, до конца преданные революции. Мечтали: скорее бы в дело, в бой.

Вот это дело и поручили Николаю. В команду ему подобрали надёжных ребят. Николай предложил хозяину, пока не готовы сети, заработать: отвезти в Персию бензин в бочках. Грек согласился.

«Тритон» взял отход и пошёл первым рейсом в порт Пехлеви. Так значилось в судовых документах. Но, конечно, в Иран Николай не поплыл. Отошёл миль двадцать и заглушил мотор. Ребята взялись за кисти, к вечеру перекрасили «Тритон», а паруса расстелили на палубе и из садовой лейки полили чёрной краской... Потом Николай повернулся на север и пошёл к Артёму. Он тогда назывался Святым островом. Там на шлюпке должны были ждать те ребята.

«Тритон» под парусами пришёл к Святым, но, сколько ни смотрели и в бинокль и так, шлюпку не увидели.

Николай встревожился. Мало ли что могло случиться: не достали лодки, сбились с пути, арестованы... Но он твёрдо решил держаться до последнего.

После полуночи ветер начал спадать. Николай приказал разогреть мотор, а сам всё шагал по палубе и, когда уже совсем рассвело, тут только увидел шлюпку. До неё было меньше миля, а ещё за полмили стеной стоял туман...

«Тритон» повернулся к шлюпке, и тут Ни-

А «Тритон» тем временем на всех парусах шёл своей дорогой.

колай увидел английский катер с пулемётом на носу. Раздумывать было некогда. Николай дёрнул сигнальный шнурок, горячий мотор завёлся сразу, и «Тритон» пошёл на встречу шлюпке. Ребят с полного хода приняли на борту, и в тот самый момент, когда катер вышел из-под косы, баркас врезался в туман. Ушали!

Радости тут было без меры. Пожалуй, один Николай понимал, что их ждёт впереди, но и он молчал: не хотел портить ребятам праздник, — а сам полным ходом гнал подальше от греха, прямо на север.

На пятые сутки вышли к Мангышлаку. Ночь выдалась беззвучная, бурная. Это было им на руку. Заглушили мотор, встали под паруса и взяли курс прямо к двенадцатифутовому рейду. Прокопить тут и было самое трудное. Через всё море днём и ночью здесь ходили английские корабли. Но «Тритон» шёл, ни с кем не встречаясь, и с каждой миляй ребята крепче верили, что всё сойдёт хорошо.

Вдруг сразу в трёх местах, отсвечивая на гребнях, засияли прожекторы. Будь на «Тритоне» белые паруса, тут бы ему и конец! А так сопло, не заметили. Николай подал команду. Ребята выкатили из трюма две бочки бензина, погрузили на шлюпку. Николай отмерил бикфордов шнур на пятнадцать минут горения, один конец сунул в

бочку, другой запалил и острый ножом на-прочь отхватил бускир. Отошли. Шлюпка осталась за кормой... Тут блеснул в темноте огонёк, разросся вширь, в вышину и запалых факелом.

С трёх сторон кинулись к нему щупальца прожекторов. Осветили чёрные клубы дыма, и все три корабля полным ходом пошли к месту происшествия. А «Тритон» тем временем на всех парусах шёл своей дорогой.

Я в ту ночь был в дозоре на катере. Мы тоже видели далёкое зарево в море. И прожекторы видели.

А под утро, в самую собачью вахту, вижу: идёт с моря этакое чудище с чёрными парусами.

Ну, дал для острастки очередь из пулемёта. Они обронили паруса. Подошёл, узнал Николая... Расцеловались. Поделились новостями и разошлись: они — явиться к Сергею Миронову Кирову, а я дальше — в дозор...

Ну, конечно, к месту пришёлся нам этот бакинский подарок. Бензин заприходовали. Баркас зачислили в дивизию, подняли на нём красный флаг и через всю корму написали: «Комсомолец». А ребята на другой день надели бескозырки со звёздами, взяли в руки винтовки и пошли воевать...

Василий Васильевич глянул на часы и на полусовсем обгоревший рассказ: вахта подходила к концу, а он ещё не сделал запись в журнале.

Я спустился в каюту. Но какое-то беспокойство выгнало меня на палубу, и, глядя на синие волны, на тающие в небе облака, на больших белых птиц, сотнями кружиившихся над морем, я всё думал об этой истории. И я решил разузнать, что же дальше случилось с тем славным судёнышком.

Буря

Отыскав нужный номер, я вошёл во дворик и по угловой лестенке, похожей на пароходный трап, поднялся на галерею, увитую зелёным густым виноградом.

Меня встретила чистенькая седая старушка с книжкой в руке...

— Витечка в Москве, — сказала она сокруশённо. — Вчера только уехала: вызвали в министерство... А вы, прошу вас, по какому делу к Виктору Захаровичу?

Трудно было объяснить моё дело, но старушка неожиданно быстро поняла, что мне нужно.

— Ну, как же, знаю, — перебила она, — только тут мне вам трудно помочь. Однако постойте...

Она провела меня в прохладную комнату, усадила в глубокое кресло и, открыв ставни, принесла рыться в ящиках стола.

— Ведь это как — выпши, — приговаривала она, пробегая глазами какие-то бумаги. — Тогда строили Тракторный завод в Сталинграде. Со всего Союза набирали туда комсомольцев. Мой Витя и товарищ его Володя в один голос: в Сталинград, да в Ста-

линград! А они в ту весну только закончили мореходное училище: Володя — судоводителем, а Витя, как и отец, — механиком. Их и отправили по специальности вместе с баркасом «Комсомолец». И команда набралась — одних комсомольцев... Да вот стойте. Бурто оно. Оно и есть — сказала старушка и протянула мне плотную папку пожелтевших листков, исписанных убористым почерком.

«29 мая 1929 года
Сталинград

Здравствуй, сестрёнка!

Ты всё просишь писать подробные письма, а мне и открытику опустить было некогда. Ну, не было бы счастья, несчастье помогло!

«Комсомолец» стоит в капитальном ремонте, я — в больнице. Да спасибо, что так, могло быть хуже.

Как мы шли сюда, ты знаешь. А теперь напиши про Сталинград. Что тут делается, неизвестно рассказать. У пристани народу, как на Большых Исадах¹ в базарный день. Все с котомками, с сундучками. На берегу

¹ Базар в Астрахани.

Володя во-время ввёл баркас между баржей и сваями...

костры. На строительной площадке у нас и вовсе глаза разбежались.

Тут была бахча. А сейчас идёт стройка. Везде пути. Везут лес, металлы, песок. Земля перекопана. Тянут провода, кладут трубы. Стоят готовые корпуса, тут же строят бараки, а рядом уже разбивают цветники. Шум такой, что из города слышно. Бьют сваи, гудят паровозы, трещат тракторы. Все куда-то спешат, всем некогда, и нам сначала показалось, что мы тут лишние. Но нас давно ждали, и в тот же день мы начали работать.

Первые дни водили плоты. Потом возили рыбу, зерно, один раз ходили на паточный завод в Дубовку, привезли арбузный мёд. Вот уж вспомнил я мамину коврижки!

Ну, а нам здесь не до коврижек!

Тут очень плохо с разгрузкой. Нехватает руки: все на стройке. Мы обдумали это дело и всю погрузку обзялись производить силами команды. Постои, конечно, меньше, а нам тут: день и ночь в работе. Тут, как на войне. Всё срочно, всё скоро, всё — боевое задание.

Так работали до 23-го числа. В тот день ходили за фуражом. Взяли полный трюм сена в тюках и пошли назад. Груз, как всегда, срочный. Коняги всё подъели, и начальник транспорта сам нас провожал: «Не подведите, мол, комсомольцы, проявите хорошее отношение к лошадям».

Ну, мы и гнали полным ходом. Я был в машине. Смотрю, покачивает. Потом Владимир дал «стоп» и отдал якорь.

Я вышел. На реке ад кромешный! Воды не видно. Всё бурлит, как в котле, и пена клочьями хлещет по бортам.

Пароходы, баржи, катера — все повернулись на якорях и низко кланяются левому берегу. А оттуда, как туман, идет горячая пыльная мгла. Солнце стало красным, зловещим. Я запустил машину малым ходом, чтобы не сорвало с якоря. А справа от нас стояла стальная баржа со станками-тяжеловесами. На стройке с осени ждали этих станков.

Баржа и устояла бы. Но тут белянья¹ с лесом сорвалась, навалила на неё и, скривившись, обе двинулись к берегу, к новой эстакаде. А справа от эстакады забыты железные сваи. В полу воду их не видно, но мы о них знали и поняли, что баржа кормой сядет на сваи, пропорет днище и пойдёт ко дну. Мы с Владимиром переглянулись и без слов поклялись друг друга.

Я мигом принёс из машины зубило, взял молоток и стал рубить якорную цепь. Обрушил, а сам назад, в машину.

Чтоб было потом, я не видел. Но, видимо, Владимир маневрировал наилучшим образом, потому что очень скоро крякнули борта. Больше я ничего не помню. Потом я узнал, — всё так и было, как мы задумали: Володя во-время ввёл баркас между баржей и сваями, весь удар мы приняли на себя, и «Комсомольцу», бедняжке, досталось здорово. Пробило борт в двух местах, и как он выдержал вообще — это чудо. Баржа-то — сорок тысяч пудов! А меня в момент удара оглушило лопнувшей стойкой, и я был без сознания.

Очнулся минут через сорок. Шквал уже промчался, ветер утих. Я услышал голос начальника транспорта. Он сгоряча отругал Володю за то, что мы подмочили сено, а потом стал хвалить за спасение баржи.

Всё и вся, сестрёнка. Потом меня отвезли в больницу, рану на голове зашили и через неделю выпустили. Теперь всё благополучно, станки уже разгручили. А «Комсомоль-

¹ Белянья — баржа для перевозки леса.

ца» мы обязателем восстановим и ещё по-
лаваем на нём.

А что у вас? Пиши мне обо всём. Пощелуй маму, кланяйся друзьям. Зайди в горком комсомола и скажи, что астраханские ребята в Сталинграде не подкачали.

Жду писем. С комсомольским приветом твой брат Виктор.

— Вот какая история! — сказала старушка. — Тогда дочка от меня всё это скрыла. А шрам у Витечки так и остался, хотя под волосами

не видно. Вот посмотрите, — и старушка, сняв со стола большую фотографию в рамке, с гордостью протянула мне.

С фотографии глядел моряк в белом кителье, с орденом Ленина на груди. Широкое лицо избородили морщины. Тёмные волосы на висках посеребрила ранняя седина, и если бы не глаза — весёлые, чуть-чуть с хитростью, с юношеским задором, — трудно было бы поверить, что это тот самый Витя-механик с баркаса «Комсомолец».

Наша взяла

Летний день дрогнул. Солнце село. Звёзды, большие и яркие, гляделись в зеркало неподвижной воды. В их скромном свете трактор «СТЗ», уставший за день, казался допотопным чудовищем, заснувшим у водопоя. Было очень тихо. Чуть слышно шипел тусклый, травяной костёр. Изредка вслётывала рыба. Тёплый ветерок, едва тянувший с моря, заботливо обволакивал нас плотным пологом прянного дыма, и лихие комары, с боевыми песнями налетавшие со всех сторон, отступали назад, в темноту... Вдруг послышались шаги. К костру подошёл плотный мужчина лет сорока, в высоких рыбакских бахилах, в ватной куртке и в кожаном картузе, сдвинутом на затылок.

— Вот и дождались! — сказал тракторист. — Это и есть председатель, товарищ Хаметов Александр Командирович.

Хаметов присел на корточки, достал из картона треугольный листок бумаги, свернул «кошку ножку» в палец толщиной и затянулся душистой махоркой.

— Ну что ж, — сказал он, — рассказать можно, ночь длинная... Вы у нас в «Маяке» были? Видели наше хозяйство, и клуб наш видели, и школу, и сад? Может, слышали: прошлый год взяли мы по 702 пуда на чело-

века! Думаем больше взять. Рыбы в море хватает, а сила у нас растёт. К примеру: тот год сорок человек урез на неводе тянули, а теперь... — Хаметов показал на тракториста, — один управляет на своём «СТЗ». Улов разгружать — рыбососы есть, рыбу в море искать самолёт посылаем...

А раньше ничего этого не было. Ведь тут как: крупных хозяев, тех, что ворочали миллионами, революция сразу спихнула. А кулак ещё долго держался.

В тридцатом году, весной, вызвали нас в окружком партии.

— Вот что, — говорят, — ребята. Все вы рыбаки, все комсомольцы. Покажите пример, сколотите колхоз.

Мы взялись. У кого что было, всё сложили вместе. Колхоз назвали «Маяк революции», построили волокушу, взяли тонн, промышляем. На тоне и жили, как цыганы на берегу.

Вот как-то встречает меня инструктор из окружкома.

— Слушай, — говорит, — Хаметов, сходи на Кутум да посмотри там баркас. Называется «Комсомолец». Его по дешёвке можно купить, и деньги не сразу.

Посмотрел я. Так себе баркас, видать, потрудился, зато цена подходящая. За такую цену и байду не купишь...

Ну и взяли мы тот баркас. Идём, я за шкипером. Идём — и сердце радуется: свой моторный флот завели! Теперь нас голыми руками не возьмёшь!

Пришли на тонь. Девчата спили красный флаг, палубу набрали с песком. А мне не терпится — ловить. И в первую тонь нам счастье: икринная белуга пудов на сорок! На лодку её. Старой сетью опустили и в город, живьё!.. Как раз той белуги хватило нам купить лесину для мачты и холст на паруса...

И совсем по-другому пошли у нас дела. В

...Повис и давай борт рубить у самой воды.

народе совсем другой пошёл разговор: хо-
зяева правильные!

На нас глядя, ёщё в районе сбился один
колхоз, «Завет Ильича». А там и ёщё...

Наша взяла! Кулаки это тоже поняли. При-
таились, пробирались кое-где в колхозы, и по-
шла у нас тайная война. В то лето частенько
слышали: там арканы подрезали, там кол-
хозный невод сгноили, там баржу с солью
посадили на мель, а пока снимали, зелёная
муха улов погубила...

Ну, да мы-то не боялись! У нас, в «Маяке»,
всё свои, комсомольцы, все друг друга не
первый год знаем. К осени нас по отчеству
начали величать. Я уж стал Командирови-
чем. Я татарин, по паспорту Искандер Кема-
леддинович, имя с мальчишеским переделали, а
отчество до тех пор никто и не поминал.

Вот однажды был я вдвоём с мотористом
в городе с рыбой. Встал в Кутуме, сходил
на Исады, купил два толора. Тут догонает
меня один рыбак, просит отвезти керосин к
ним в Икряное. А я так: просит человек —
надо помочь. Стал грузить. Крепкие бочки —
в трюм, две чуть-чуть подтекали — те на нос.
Прихватил их стальным концом — и пошли.
Пришли к ночи. Тот рыбак ушёл за людь-
ми — разгрузить.

Час проходит, другой. А темь страшная.
Ходил. Наскучило мне ждать. Посадил
моториста поторопить.

Только ушёл моторист, слышу кто-то гу-
кает:

— Хаметов, ты, никак? Иди-ка, слушай, Ко-
мандирович, сюда, подмогни малость!

Как тут не пойти? Вылез на пристань,
посёл. Иду аккуратно. Остушился, ногу
сломаешь.

Тут слышу, будто с пристани кто-то бежит.
Обернулся, гляжу: где стоит «Комсомолец», —
огонёк. Я назад. Подбегаю. Носовая палуба
вся в огне... Сейчас пристань займётся. По-
дождли, дьяволы! «Пропал баркас, пристань
нужно спасать!»

Прыгнул, отдал кормовой, а до носового
как доберёшься? Огонь!.. Топор бы! Тут вспомни-
ли: у меня их два в рубке лежат. Шапкой

закрылся, шагнул в
огонь. Волосы затре-
щали на голове. Руба-
нул с плача.. Отсту-
пил, оглянулся. «Ком-
сомолец» плывёт по
течению, бушует на
мене горит. Притушил.
Багром отпихнулся
подальше. Теперь бар-
кас нужно спасать.
Бочки бы сбросить, —
топор не берёт: трос
стальной, сам вязал.
Обвязался концом —
и за борт. Повис и да-
вай борт рубить у са-
мой воды.

Борт крепкий, дубо-
вой. Всё равно рублю!

Сперва тихонько, по-

том ходом побежала вода в трюм. Садится
«Комсомолец». Я топор вонзил и поплыл к
берегу. Обернулся. Нет «Комсомольца»!
Только вспыхнуло ёщё на воде. И сразу
темь кругом и холод такой, думал, не
доплыну. Тут спасать меня вышли. Всё
Икряное на берегу... На другой день при-
ехали наши ребята, поставили ворот, завели
концы тащить. Так и подняли судно с то-
пором в борту. Двигатель перебрали, борт
залиатали, домой пошли. И того поджигателя
нашли потом. Их тут целая банда была, всех
вывели на чистую воду!

А «Маяк» наш всё светит. Пообстреливались,
сами повыросли. У других уже внуки есть.
А живём попрежнему дружно.

Тот баркас ёщё плавал у нас. В сорок первом
только забрали его на войну...

Александр Командирович посмотрел на
зёзды, свернула новую цыгарику и закурила.

— Однако нужно и отдохнуть, — сказал
он, — к рассвету приедет бригада, посмотрите,
как работаем.

Он подбросил свежей травы в костёр, под-
ложил под голову сумку, надвинул картуз на
лицо и заснула в ту же минуту.

Переправа

С капитаном-лейтенантом Южным мы встре-
тились в офицерском клубе. Небольшого ро-
ста, худой, подвижный, он был очень молод,
и чёрные усики бантником не делали его
старше. Морская форма удивительно ловко
сидела на нём. Он, видимо, сам понимал это
и носил её со вкусом.

— «Комсомолец»? — переспросил он. — Ну
как же, служил на «Комсомольце». Ровно
двадцать четыре часа... Вот, — сказал он,
чуть тронув мизинцем ленточку ордена
Красной звезды, — это за «Комсомолец». А
было это на Волге, в Сталинграде. Пришли
мы туда в самые горячие дни. Но об этом
рассказывать бесполезно. Кто там был, знает
сам. А кто не был, всё равно не поймёт.

Ночью было светло, как днём, от пожаров.
Днём темно, как ночью. Тогда ёщё горела
нефтебаза. С неба хлопьями валила сажа,
так чёрный снег. Копоть, дым, на реке чёр-

ная пена. Посмотришь на город — дома словно
по притались, пригнулись под артогнём.
Небо тяжёлое, как броня. Земля взлетает
фонтанами.

В Сталинград мы доставляли боеприпасы,
продовольствие, людей. А оттуда — всегда
только раненых. Немцы каждый раз встре-
чали и провожали наш бронекатер ураган-
ным огнём. Но нам везло: девятнадцать рай-
сов без единого попадания. Раз отвезли мы
туда отряд санитаров и двух девушек-гра-
чей. Одна — постарше, а другая — совсем мо-
лоденькая, восторженная такая, с комсомоль-
ским значком на груди.

А на обратном пути немцы двумя попада-
ниями так украсили рубку и бронепалубу,
что пришлось катер ставить в ремонт. Мож-
но было и нам пойти со своим кораблём, но
в то время кто же по доброй воле покидал
Сталинград? Мы подали рапорты, а наутро

я уже получил назначение: механиком-дизелем на новый корабль.

Новый корабль не очень меня порадовал: корпус деревянный, двигатель допотопный. В общем корабли были вялые. Только название молодое: «Комсомолец».

Я тогда тоже был комсомольцем, командир был комсомолец — мичман Ласточкин. Экипаж — два старшины ружевых, пулемётчик и два машиниста — всё молодёжь. В тот же день мы пошли на задание.

Дали нам полный груз пулемётных лент, посадили в звон пехоты и пожелали счастливого плавания.

И представьте, дошли! Два бронекатера вышли для демонстрации, оттянули огонь, на чём «дредноут» немцы сперва не придали значения, а когда спохватились, мы уже скрылись под бережком и пристали пониже Тракторного.

Обычно нас встречали на берегу. Если не команда, то хотя связной, а тут никого.

Вдруг: та-та-та.. зашокали пули, и видим: с горы спускаются фризы-эсэсовцы, человек пятнадцать. Сапоги блестят, пилотки у всех засунуты под портупеи, и у каждого автомат на ремне.

Откуда-то сбоку стеганула пулемёт и замолчала. Немцы разбежались, а двое остались на земле. Один так и не встал, другой вдруг приподнялся, дал очередь и, и нужно же, угодил мне в левую ногу, пониже колена. Наш пулемётчик привил его к месту. Я добрался кое-как до судна, сделал перевязку, сижу.

Вдруг бежит слева связной. Оказалось, две своих роты эсэсовцев с танками прорвались тут к самой Волге, а у наших все патроны кончились.

Мичман Ласточкин принял решение: сняли с «Комсомольца» пулемёт, подхватили ленты и с бойцами и со своим экипажем все туда, бегом. А меня оставили одного на корабле.

Бой шёл рядом, за домами, но мне с палубы не видно. Только шальные пули фыркают поверху. Наши бьют редко, на выбор. А немцы так и стрекочут. Потом слышу: «Максим» заговорил. Другой откалинулся, третий. Не зря старался «Комсомолец», во-всем ленты привёз. Я стал гнуть мотор. Выглянула вижу: идут санитарки, и у каждой на букире лодочки-волокушка.

Привезли раненых одиннадцать человек. И та, молоханка, военврач, тоже с ними. Обмундирование в пыли, в крови. Лицо чёрное от копоти, а сама серёзная, строгая.

— Скоро можете отойти? — спрашивает она.

— Вот придет командир корабля, мичман Ласточкин, тогда и пойдём.

— Мичман Ласточкин не придет, — говорит она. — Он ранен. Рана тяжелая, в голову.

Как вышли из-под берега, сразу и началось...

— Идти всё равно нельзя, — говорю я, — не могу же я идти без рулевого.

— Я сама встану к рулю.

Посмотрел я на Волгу. С того берега рвётся к Сталинграду отважный катерок. Немцы бьют по нему ураганным огнём, вся вода кипит от разрывов. Ну как в такой обстановке ставить её к рулю? Первым же снарядом накроют!

— Вот что, — говорю, — подождём до вечера. В темноте как-нибудь проскочим.

— Невозможно, — говорит она, — у меня здесь все тяжёлые. Я на час не могу их оставить без хирургической помощи. Не имею права.

— Ну, а ваша жизнь? — говорю я. — Ведь почти нет надежды.

— А мы, товарищ мичман, не в счёт, — говорит она, — мы солдаты и комсомольцы. Погибали!

Подвёл её к штурвалу. Показываю:

— Так вправо, так влево. Ехать нам вон туда, видите, кусты, а правее их воложка? Если доберёмся туда, метров за тридцать от берега дёрните этот шнурок. Это сигнал, я остановлю машину. Понятно?

Она кивает.

Нога у меня распухла, стоять невозможно. Я с колена отпихнулся багром, развернул «Комсомольца».

— Ну, — говорю, — теперь держитесь, не зевайте...

И как вышли из-под берега, сразу и начались. Как ухнет, как даст под бортом, ну, кажется, всё! Только нет, вижу цель, идём...

Зашли уже в воложку. Огонь прекратился, рука у меня на регуляторе, жду сигнала...

Вдруг бом, бом, бом, и тут же слышу, лезем носом на берег. Хорошо, там песок. Не выдержали нервы у моего капитана. Как опасность миновала, забыла про сигнал. За два метра от берега только и вспомнила.

Выполз я из машины. А Валя (ёё Валей зовут) стоит в рубке, держится за штурвал и плачет горькими слезами.

М а ш и н а

Маленький ялик лениво полз по сверкающей бухте. Перевозчик, старый лезгин в чёрной махнатой папахе, едва макал вёсла в воду, согретую солнцем. Он рассказывал что-то про давние годы, про Терек, про Дагестан. Я не слушал. Заметив это, старик замолчал и сказал укоризненно:

— Ишь, как скоро нужно! Не спеши, завтрашний день не догонишь, а сегодня поспешишь...

Я и сам знал, что теперь поспею. Но мне не терпелось, и я ещё издали крикнул, как кричат моряки:

— На «Комсомольце»!

— Есть на «Комсомольце»! — откликнулся женский голос.

Светловолосая девушка в ярком ситцевом платье, заслонившись от солнца рукой, посмотрела на нас и спустила с борта трапик.

Я поднялся на палубу судна, о котором так много узнал за эти дни.

Так бывает в музее: смотришь на простые, маленькие вещи, а видишь большие, необыкновенные дела. Вот тут, в рубке, плакала Валя, закончив свой беспримерный поход... Там, на полубаке, Искандер Хаметов один на один воевал с огнём... На этой лебёдке Виктор рубил якорную цепь... Отсюда, с палубы, Николай Бичевин всматривался в тревожную темноту бурной ночи... Удивительно ясно стали передо мной прошлые героические годы и все эти люди, связавшие с «Комсомольцем» свою беспокойную, молодую судьбу!

И вдруг стало обидно за маленький, славный кораблик. Как-то уж слишком обычно выглядел он сегодня: в рубке на столе спал раскормленный рыжий кот, беспомощно раскинув полосатые руки на спицах штурвала, сохла чья-то штопанная тельняшка; на компасе, прямо на стекле, лежала раскрытая книжка...

— Все внизу, вы спуститесь, — сказала девушка.

Внизу, в тесном кубрике, четыре круглых окошечка были открыты настежь, и солнечные зайчики, отражённые морем, весело играли на койках, укреплённых по бортам.

За столом сидело семь человек. Молодые, загорелые, взъёмнованные, склонившись над грубо набросанным чертежом, они спорили о чём-то так горячо, что даже не заметили моего прихода.

Странный у них был спор: «Вольтаж...

Эти баркасы вертлявые, рыхкие, особенно порожнёмы. И, конечно, с первого раза на курсе не удержишь «Комсомольца».

Это нас и спасло: при таком беспорядочном курсе не приძелись. Разрывы ложатся кругом, да всё мимо. А на берегу все диву давались: до чего лихой командир!

С «Комсомольцем» не знало, что стало. Ласточки выжили, вернулись в строй, сейчас на Балтике. А Валя в Ленинграде, в академии. Она мне пишет, но редко. Всё некогда, у них экзаменов очень много.

в р е м е н и

сопротивление... изоляция...» Они бросали эти слова привычно, веско, и чем дальше я слушал, тем труднее было поверить, что спорят рыбаки: так могли спорить инженеры перед пуском электростанции.

Наконец меня заметили. Из-за стола поднялся рослый парень в голубой майке. Я сразу понял, что он здесь главный. Мы познакомились. Я узнал, что фамилия его — Рыбаков, а зовут Гриша.

— Так, — сказал он, — значит, разыскали нас. Ну что же, будете гостем. Посидите тут с нами или с Тамарой на палубе... А то, может, отдохнёте? — добавил он. — Еон там свободное место...

Отдохнуть мне очень хотелось. Сняв сапоги, я с удовольствием растянулся на мягкой койке. «Ампераж... нагружа...» — доносилось сквозь сон. Потом я услышал возню на палубе, топот сапог, гром якорной лебёдки. «Комсомолец» пошёл, и, убаюканный лёгкой качкой, я снова заснул, на этот раз крепко.

Когда я проснулся, болидер молчал. В кубрике никого не было. Натянув сапоги, я поднялся на палубу. «Комсомолец» стоял на якоре. Над морем лежала ночь, безлунная и тёмная. Скупо перебрасываясь словами, четверо рыбаков спускали на шлюпку тяжёлую катушку с толстым резиновым кабелем. Потом, один за другим, все четверо пропали за бортом. Слышино было, как они рассаживаются по местам.

— Ну, всё? — сказал кто-то. — Отдавай! — и, вслескивая вёслами, шлюпка пошла в тёмноту, унося на себе крошечный огонёк «лётучих мышей».

В такт ударам весёл взвизгивала на оси катушка, разматывая за кормой кабель.

Минуту спустя кто-то крикнул из темноты:

— Порядок! Давай!

— Включай, Тамара, — сказал Гриша не громко. — Только нагружай постепенно, не сразу.

— Ладно, знаю,— сказала Тамара и спустилась в машину.

Потом что-то со свистом вздохнуло под палубой, захлебнулось, чихнуло... И вдруг, как пулемёт, затрещал мотор, вкачивая в тишину ночи чёткие удары отсечки...

— Смотрите, — сказал Гриша, — начинаем!

Сначала я ничего не видел. Потом едва различимая прерывистая полоса млечного света длинным пунктиром прочертила море. Она разгоралась всё ярче, всё светлее. Казалось, из тёмной воды вспыхивает бесконечная гирлянда голубых звёзд.

Но звёзды так и не вспыхли: остановились где-то в глубине.

Гриша взглянул на море, прислушался к работе мотора, и посмотрев на часы, отметил время в журнале.

Потом он вынес обыкновенную электрическую лампу, укрытую тяжёлой, свинцовой решёткой, и на длинном резиновом проводе спустил её за борт. Щёлкнула выключатель. Лампа вспыхнула в глубине. Широким полуокругом распалось под водой сияние, похожее на свет луны.

— Вот и вся наша техника, — сказал Гриша.

— Внизу в машине движки и динамо, а там, — он показал на море, — вот такие же лампы.

Я склонился над бортом и сначала увидел только этот зеленовато-голубоватый свет да кусок подводного борта, обросший мягкой зелёной «бородой».

Вдруг что-то блеснуло серебряной искрой. Ещё... ещё... Со всех сторон из тёмной толщи воды собирались маленькие сверкающие рыбки. Они выплывали из темноты и, тесня друг друга, упорно стремились к свету.

— Вот и вся наша техника, — повторил Гриша, — и это не мы придумали. Так на Каспии не первый год ловят кильку. Собирают на свет и обвешивают неводом. Так много ловят, но больше всё-таки ловят ставники... Вы знаете, что такое ставник?

Я, конечно, знал. По всему Каспию, там, где позволяют глубины, сгоят эти хитрые ловушки для рыбы. Сплошная стена из тонкой сети на длинных кольях, забитых прямо в дно, тянется в море на сотни метров. Косяки рыбы, наткнувшись на такую стену, сворачивают в сторону и попадают во «двор» — огромный загон из сетей, установленный на кольях и якорях. Заперев узкие ворота «двора», рыбаки сгоняют рыбу в угол и, приподняв сети, «сливают» улов в лодки...

— Нашу бригаду, — продолжал Гриша, — с самого начала поставили на ставники. И мы ловили не плохо. Но, знаете, в наше время стыдно работать не плохо. Нам хотелось отлично работать, так, чтобы с нас другие брали пример. Вот... А я сам на войне был электриком, связистом. Здесь и воевал, на Кавказе, добровольцем пошёл... И, конечно, мысль об электролове мне давно не давала покоя. Но не так просто оказалось загнать рыбу в ставник.

— Ну, а если повесить во «двор» ставника такой вот фонарь? — сказал я.

— Что толку? — ответил Гриша. — Больше того, что придёт по стенке, всё равно не зашманишь.

— Понимаю, — сказал я, — вы, значит, освещаете стенку.

— Нет, — перебил меня Гриша. — Вы смотрите: рыба никуда не уходит от света, а погасишь — разбредётся. Тут нужно было придумать, как сплошным потоком гнать её в не-воду... Качать из моря...

— И придумали?

— Придумали, только не сразу: больше года ломали головы. Бумаги извели чуть не центнер, и всё напрасно, пока не пришла одна простая мысль.

— Кому же?

— Тамара, нашей мотористке. Стояли мы как-то в Махач-Кале. Тамара шла по городу, слышит, передают матч. А она у нас болеет за тбилисское «Динамо». И, конечно, остановилась у репродуктора. Тут, в Дагестане, народ горячий, знаете, как болеют? Целая толпа собралась. И вдруг замолчал репродуктор. Этот замолчал, а на другом углу говорит. И тогда все, кто тут был, так толпой и бросились на тот угол... А Тамара — в порт. Встала на мол, машет, кричит: «Нашла, ребята, нашла!»

— Не понимаю, — сказал я.

— Вот и мы сначала не поняли, — согласился Гриша, — а она тут же на земле нарисовала штук десять кружочков в линию. «Это, — говорит, — лампы». Вокруг кружков наставила точек. «Это килька». А потом зачеркнула крайний кружок. «Эту лампу я погасила. Куда рыба денется?» — спрашивает нас. Тут и нам стало ясно: ну, конечно, рыба вся перекочует к соседней, горящей лампе. А эту погасить — пойдёт к третьей... Так можно сплошным, нарастающим потоком вести рыбу куда угодно, хоть прямо на завод.

— Да, — сказал я, — замечательно, счастливый случай!

— Нет, тут не случай, — возразил Гриша, — тут главное — то, что Тамара неоступно думала о нашем деле. Мы искали новых путей и нашли — вот что главное. А случай, если его не ждать, а искать, непременно придёт!

Гриша поднял лампу из-за борта, выключил свет и пригласил меня выпить чаю. Мы спустились.

— Ну, пусть случай, — сказал Гриша, отставив пустую кружку. — Но мы за этот случай ухватились: по слуху достали разбитый движок, случайно раскопали горевшую динамомашину, случайно нашли провода... А получить разрешение, думаете, просто? Ведь мы на службе, у нас план, все часы на счёту, а риск был, конечно, огромный. Но мы народ упрямый, настойчивый. Доказали, что мы правы. Нас поддержали, и вот ловим, как видите...

Когда мы поднялись, в море подпрежнему лежал длинный световой пункт, только в нём нехватало нескольких точек. Эта тёмная брешь медленно передвигалась слева направо. Я представил себе огромный клубок кильки, сгрудившейся у лампы. Вдруг лампа гаснет. Полная темнота кругом, и только откуда-то, издали, едва заметные, доходят отблески света. Плотным косяком килька плывёт туда, окружает рыбу, что раньше собралась здесь, и так, разрастаясь, от лампы к лампе, косяк приближается к воротам «двора».

А позади уже снова один за другим загораются подводные огни, и новые тысячи глупых рыбёшек собираются вокруг них...

Всю ночь работал движок, всю ночь рыбаки гасили и снова зажигали лампы. Гриша спал в рубке.

А потом наступило утро, волшебное, как все морские утра. Чуть заметно позеленел далёкий горизонт на востоке. Потом, так же незаметно, затянулась там розовая полоска... Темнота начала растворяться, уступая место прохладному полуночному. Потом обозначились волны, сначала близкие, потом далёкие, и вдруг высоко в небе вспыхнули светлые шапки дагестанских гор.

«Вот и дногами завтрашний день», — подумал я, вспомнив перевозчика.

«Шабаш!» — крикнул Гриша в машину, и мотор замолчал.

Тамара, в просторном комбинезоне с блестящими пряжками, вышла на палубу. У неё было лицо человека, хорошо сделавшего своё дело. Немножко усталое, с искоркой гордости в глазах.

Потом поехали за рыбой. Я смотрел, как тянут тяжёлые сети, как рыба сверкающим водопадом льётся в просторные лодки. Потом лодки приняли на буксир, и «Комсомолец», подняв якорь, полным ходом двинулся к берегу.

— Как улов? — спросил я у Гриши, стоявшего на руле.

— Нормально, — ответил он. — Если дальше так будем ловить, скоро приедем в пятьдесят первый!

Я не понял.

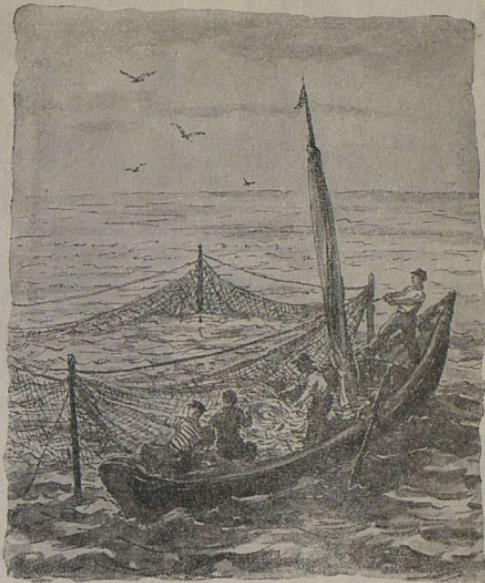
— Мы теперь здорово перевыполняем план, — сказал Гриша. — За сорок девятый год уж всё поймали и теперь кончаем свою пятилетку. Живём в сорок восьмом, а работаем в пятидесятлом году. Наш старичок «Комсомолец» — это наша машина времени...

Два часа спустя мы распрошались. Но уходить не хотелось, и, стоя на стенке пристани, я ешё долго говорил с Гришей.

— Это — ешё не всё, — сказал он, — мы, комсомольцы, народ неспокойный. Мы ешё кое-что придумали! Вот закончим свою пятилетку, начнём ставить новые опыты.

— Где? — спросил я.

Гриша хотел ответить, но тут болиндер, который до того только сопел да хрюкал с

Я смотрел, как рыба сверкающим водопадом льётся в просторные лодки.

заливом, выстрелил в небо тугим кольцом белого дыма и торопливо, всё чаще и чаще забормотал:

— Там... там... там... там...

Гриша скатал штурвал на борт и дёрнул сигнальный шнурок. Баркас грунто двинулся с места, бортом досуха выжал толстый верёвочный кранец, взмыл солёную воду за кормой и, важно переваливаясь с борта на борт, пошёл в открытое море, вперёд, к новым победам.

Я подождал, пока его мачта с выцветшим флагом скрылась за молом, и не спеша стал подниматься в гору.

На выставке «Комсомол в Отечественной войне»

Василий Зайцев обучал снайперскому искусству тридцать своих боевых товарищей. «Зайцевами» прозвали его солдаты.

На верхнем снимке: Василий Зайцев с двумя из своих учеников, приобретающими на огневую позицию.

Перед боем, на передовых позициях молодые бойцы подавали заявления с просьбой принять их в комсомол: «Хочу итти в бой комсомольцем», — писали они.

На выставке бережно собраны прорытые в земле обрывистые берега, искалеченные боями гробы, отдавших жизнь за Родину.

Здесь всегда народу. Посетители с интересом осматривают выставку, подолгу стоя перед витриной. Здесь всё говорят о славных делах сыновей и дочерей этого народа, о верных помощниках партии — комсомольцах.

Семь тысяч человек в боях с фашистами заслужили высшую награду страны — звание Героя Советского Союза.

Герой Советского Союза Василий Зайцев в детстве был метким охотником, был белку добывал. В боях за Сталинград он стал метким снайпером. На его боевом счету 150 гитлеровцев. «У меня и в Родине одно счастье — победа», — говорил он. «Буду истреблять фашистов, пока глаза будут врага, пока рука будет сильна».

Лёля Колесова, ученица инженерожжаткой в 47-й школе в Москве. Зимой 1940 года провела она с группой военную игру «Ни штурма». В 1941 году Лёля во главе группы девушек инженеров ушла воевать в тыл врага. Однако Лёля с крестьянским характером не привыкала к похоти железной дороги. Пописывая шум, позывая «Партизан», подорвать эшелон, беги за помощью! — крикнула Лёля часами. Девушки в Лёля положили завернутый в одеяло тюп под руки. Скрылись. Лёля смотрела, как леят под откос вагоны с грубыми и болезненными.

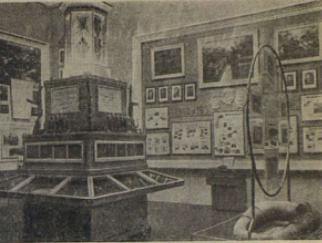
Самоотверженность заслужила комсомольцам на фронтах. Не покладая рук труждались они и на тылу, работая за товарища, ушедшего на фронт: — давали обещание молодежь. И они работали за двоих и за троих, «всё для фронта, всё для тыла» — вот жила тогда советская молодежь.

Командир Советской Армии Виктор Ливенцов попал со своей частью в окружение. «Будет воевать смертью в бою», — решил Ливенцов. И он создал в районе Бобруйска молдавский партизанский отряд, который, разбросав в мощную партизанскую бригаду,

Большой раздел выставки посвящен геройским делам комсомольских партизан: Зин Космодемьянская, Лиза Чайкина, Шура Чемалин и другие. На выставке собраны выставки супружеских Героев Советского Союза: Зин Космодемьянская, на никем — Герой Советского Союза Леля Колесова с боевыми подругами.

Фронтовое спасибо сказали морякам лётчики ремесленников 4-го училища г. Красногорска, Могилёвской области, изготавливавшим детали для спасательных лодок. С такой резиновой лодкой лётчики не страшна авария над морем.

За время войны ученики ремесленных училищ работали 4,5 миллиона часов, изготавливали 100 тысяч танков, 11 тысяч танков, сконструировали 100 тысяч автомобилей, 11 тысяч паровозов, изготовили 8 миллионов различных инструментов и деталей для сельскохозяйственных машин, отремонтировали 5 тысяч тракторов.

Бригада комсомольца Агарнова во время войны стала называться «Любовью Шевцовой». Агарнов предложил новые стакановские методы работы, благодаря которым в бригаде освоились несколько квалифицированных рабочих. На бригаде устроили соревнования. На соревнованиях работают и другие бригады. Агарнов со своей бригадой сваривает башни тяжелых танков «КВ».

ПАША АНГЕЛИНА

А. Славутский

а самом краю села Старо-Бешево, среди пустыря, заросшего бурьяном, стояла вросшая в землю одноковая хворостяная хата. Эта хата принадлежала батраку Никите Васильевичу Ангелину.

Семья Никиты Васильевича была большая — восемь едоков. Батрак Ангелин ходил в лохмотьях, работал по чужим дворам, выращивал хорошую пшеницу, но не мог прокормить свою семью: земля принадлежала помещикам.

Советская власть отобрала земли у богачей и передала их трудовому крестьянству.

В 1925 году Никита Васильевич со своими сыновьями организовал товарищество колхозной обработки земли. Бывший батрак работал за троих: и в поле, и в кузнице, и на огородах.

— Человек всегда должен работать, — учили он своих детей. — Сколько дней будет в вашей жизни, столько вы должны работать.

Три года спустя в селе была организована первая сельскохозяйственная артель. Председателем её стал Никита Васильевич Ангелин. Все Ангелины пошли в колхоз. Они унаследовали от отца самое дорогое — любовь к труду, к хлебопашеству. Пятидцатилетняя Паша тоже работала в колхозе. Пасла скот, была конюхом, а затем стала дояркой. Она старательно ухаживала за скотом, берегла молодняка.

Однажды тёмной осенней ночью на животноводческую ферму прорвались кулацкие сыники, чтобы уничтожить скот. Паша не растерялась. Одним ударом она сбила с ног здоровенного рыжего бандита, а другого столкнула в открытый люк, в котором складывала корм для скота, и закрыла его на замок.

Наутро, когда на ферму пришёл народ, Паша рассказала им о ночном налете.

— Молодец! — восхищённо произнёс Никита Васильевич. — Ты, Пашенька, показала нам пример, как надо бить врагов колхозной жизни.

— Я новую жизнь строю, — ответила Паша.

Скоро Паша вступила в комсомол. Она очень много работала в колхозе и за работой как-то начала забывать про учёбу: неохотно посещала школу, мало читала. Ей стало трудно учиться, и она решила совсем бросить школу.

Об этом узнали комсомольцы. Пашу вызывали в комитет комсомола.

— Тебе стало трудно, Паша, и ты решила отступить, — сказал ей секретарь. — Но разве так поступают комсомольцы? Партия нас всегда учила бороться с трудностями, а не сдаваться, а ты... Ты подумай, достойна ли ты будешь строить новую жизнь?

Паша задумалась: достойна ли она будет строить новую жизнь? Да она только и мечтает об этом!

«Буду учиться, выучусь. Стране нужны мои знания!» — твёрдо решила она.

С тех пор никакие трудности не пугали Пашу. И чем труднее ей приходилось, тем решительнее добивалась она своего.

Шли годы. Резко менялся облик колхозной деревни. В деревню пришёл агроном. Появились новые, непривычные слова: «многополье», «севооборот». А главное — появился трактор.

И Пашей овладело одно желание — стать трактористкой. С детства видела она, как тяжело было её деду и отцу сохой обрабатывать землю, и она понимала, что значит для колхоза трактор. Нелегко было Паше осуществить свою мечту. Она была первой девушкой, севшей за руль. Её поднимали насмехи односельчане: не женское, мол, это дело. Ей угрожали кулаки, но Паша продолжала изучать трактор. Воля, упорство и твёрдость характера помогли. Зимой Паша училась в механизаторской школе, а в летнюю пору работала прещепницей.

есной тридцатого года Паша уже работала на тракторе. Она водила машину не хуже опытных трактористов.

Но в колхозе не могли привык-

нуть к тому, что за рулём трактора сидит женщина. Слишком живы были старые предрассудки. Паше выдали ударную книжку, премировали ценным подарком и... перевесли кладовщиком на нефтеbazу.

Но комсомолка Паша не сдалась. Она знала, что во всяком правом деле можно найти поддержку, и пошла к старому члену партии, начальнику политотдела Старо-Бешевской МТС Ивану Михайловичу Курошу. Побеседовав с ним, Паша поняла, что бороться за новое надо не в одиночку, а коллективом. И она организовала первую в стране женскую тракторную бригаду.

Наступила весна тридцать третьего года. Машинами были готовы выехать в поле. Трактористки завели моторы. Машины двинулись. И вдруг... за оконицей трактористкам преградила путь толпа женщин. Они наступали с криками: «Не допустим бабы машин на поля! Тяните Пашу: она у них главная!»

Паша попробовала успокоить толпу, но женщины подступали всё ближе. Тогда Паша побежала в село, в политотдел, за Курошем. Колхозники очень уважали Куроша, и только его вмешательство успокоило женщин.

— Приступайте к работе, товарищ бригадир, — сказал начальник политотдела. — В счастливый путь!

Машины загудели. Началась пахота.

Вторые сутки работали трактористки. Работали без отдыха, почти без сна. На третий день утром в поле пришли деревенские ребята. Они принесли трактористкам буханки свежего хлеба, молоко, сало, масло.

— К вам в гости всё село собирается, — важно сообщили они.

— Неужто опять придут?! — встревожились трактористки.

— Вы не беспокойтесь, они с хорошим идут.

Вдали показалась толпа. Девчата заглушили моторы. Стало совсем тихо, и старый колхозник Степан Иванович сказал:

— Молодец, Пашенька! Молодцы вы все! Всем селом просим прощения.

Земля, обработанная трактористками, принесла богатый урожай. За самоотверженный труд пашиной бригаде было вручено переходящее Красное знамя политотдела.

Так получила право на существование первая в стране женская тракторная бригада.

Паша приехала в Москву на второй Всесоюзный съезд колхозников. Здесь она встретилась с товарищем Сталиным. Когда ей

предоставили слово и она поднялась на трибуну Большого Кремлёвского дворца, Паша долго не могла начать свою речь. Но вот из президиума она услышала тихий голос Иосифа Виссарионовича: «Смелей, смелей, Паша!»

Эти отеческие слова ободрили Пашу. И потом, когда ей приходилось особенно трудно, Паша всегда вспоминала их.

Как-то во время перерыва товарищ Сталин подозвал к себе Пашу. Иосиф Виссарионович подробно расспрашивал её о том, как живут трактористы, какие книги читают колхозники, регулярно ли доставляют в полевой стан газеты. Паша обо всём рассказала товарищу Сталину и тут же от имени всей бригады дала ему слово выработать на каждый трактор «ХТЗ» по 1200 гектаров.

— Хорошо, товарищ Ангелина, — сказал Иосиф Виссарионович.

Ещё раз была в Москве Паша — на совещании передовиков сельского хозяйства. Там она услышала от товарища Сталина, что сейчас стране нужно ещё больше трактористов, что нужно готовить кадры. Для Паши Ангелиной и её бригады это была новая, большая задача: надо было не только отлично работать самим, но и других этому научить.

Бригада Паши превратилась в школу тракторного дела. В ней училось около пятидесяти девушек. И скоро в Старо-Бешеве работали трактористками, механиками и бригадирами больше ста девушек-комсомолок. Поля, обработанные ими, засеянные в лучшие агротехнические сроки, приносили невиданные урожаи. Добрая весть, как говорят, быстрые птицы летят. Следуя примеру старобешевских девушек, женские тракторные бригады начали создаваться в других районах и областях. В тридцать седьмом году на полях страны работало уже пятьсот сорок пять женских тракторных бригад. Ещё через два года Паша бросила боевой клич: «Сто тысяч подруг — на трактор!» Откликнулось двести тысяч.

Паша застала Пашу на полях родного колхоза, где она проводила каникулы (Паша училась в Московской сельскохозяйственной академии).

Немецкие разбойники грязными сапогами топтали украинские земли. Фронт приближался к Донбассу; Паше позвонили из Сталино. Обком партии предложил эвакуировать машины и людей на восток. Она твёрдо ответила: «Всё будет сделано».

С тяжкой тоской в душе оставляли трактористки родные колхозные поля.

Свой боевой стахановский опыт украинские

трактористки принесли в далёкий Казахстан. На полях колхоза имени Будённого, в ауле Теректа, они сразу сели за трактор.

Председатель колхоза не верил, что казахская земля может дать богатый урожай.

— Наша земля бедная, не то что у вас на Украине. Больше пяти—шести центнеров не возьмёте, — говорил он Паша. — Мы пробовали, да ничего не вышло.

— Пробовать не будем, — ответила Паша твёрдо, — а возьмём больше. Казахская земля богатая. Только до жирности её не добрались!

И трактористки Ангелиной «добрались до жирности». Машину работали круглые сутки, глубоко всхивая казахскую землю.

Колхоз имени Будённого снял по тридцать центнеров зерна с каждого гектара. Казахская земля дала в шесть раз больше хлеба, чем давала до войны. По семьюсот трудодней выработали Леля, Надя, Марксина и Катя Ангелины. Более тысячи трудодней заработала Паша. Трактористки снарядили караван верблудов с хлебом в фонд Красной Армии.

Скоро в полевой стал пришла телеграмма из Москвы, от товарища Сталина: «Бригаде Паши Ангелиной. Благодарю всех трактористок за заботу о Красной Армии и лично вам, Паша Ангелина, жму крепко руку. Иосиф Сталин».

огда Красная Армия освободила Донбасс, трактористки вернулись в родное Старо-Бешево.

За два года немецкого разбоя запустили колхозные поля.

Тяжело было биться за урожай. Мастерские по ремонту тракторов были разрушены, недоставало станков, не было запасных частей.

«Придётся ставить на трактор какие попало части», — говорили многие. Но Паша Ангелина и её трактористки были другого мнения. Они побывали на складах металломолома, где валялись остатки разбитой немецкой техники, а потом своими силами изготовили детали к тракторам.

Тракторы были отремонтированы хорошо и быстро. Это дало возможность провести весенний сев в четыре дня. И битва за урожай была выиграна. В сорок пятом году трактористки во главе с Ангелиной одержали первую победу. Они вернули власть над землёй, получив с каждого гектара по 21,4 центнера зерна.

Осенью сорок пятого года трактористки всхали чистые пары, подняли несколько сот гектаров зяби. Озимые хлеба были посеяны в лучшие сроки. В лютую стужу, в морозы и метели молодые и старые колхозники расставляли щиты, устраивали снежные заслоны.

Наступила весна сорок шестого года. Украину постигло стихийное бедствие: засуха. Колхозные поля не видали над собой ни одной дождевой тучи. Появились знойные, ясные дни. Горячие ветры суховеи сжигали всё живое. Порыжел чернозём. Но земля, хорошо подготовленная и обработанная колхозниками ещё осенью, давала растениям достаточное количество влаги. На полях появились чудесные всходы.

В этот трудный год на полях, обработанных бригадой Паши Ангелиной, колхозники собрали по двадцать центнеров зерна на площади 425 гектаров. За это Паша присвоили звание Героя Социалистического Труда. Колхозники торжественно чествовали Пашу. В разгар торжества в клуб пришёл старейший колхозник Григорий Харитонович Кирьязин. Он поднялся на трибуну и, по-крестьянски поклонившись, сказал Паше: «Так, Паша, стоит жить!»

Около двух десятилетий Паша работает на тракторе.

— Хлебопашество, — говорит она с гордостью, — моё призвание. Трактор — это мой боевой пост. Великий Сталин научил меня, простую крестьянку, дочь батрака, жить и работать для счастья моей страны, для моего народа.

Своим трудом завоевала себе Паша Ангелина всеобщую любовь и признание. Её избрали депутатом Верховного Совета СССР, присвоили звание лауреата Сталинской премии.

Паша Ангелина со своей бригадой на весеннем севе.

БРИГАДИР АНЯ

В. Юрезанский

Здравствуй, милая Аня! Я увидела твой портрет в газете и так обрадовалась, будто встретилась с самым дорогим для меня человеком. Я думала, тебя не огнестрелят из Челябинска, а ты, молодец, добилась. И вот по газете я знаю, где ты находишься. Надеюсь, мое письмо попадёт к тебе, и ты вспомнишь нашу дорогу из Кочкари в Челябинск, наши мечты, всё, что мы тогда говорили. Ты добилась такой славы, о какой мы и не думали. Ведь кто мы были? Простые девчонки, которые загорелись думкой помочь Родине восстановить разбитые фашистами города и заводы. Мы кинулись в белый свет с горячим сердцем. И как замечательно получилось!»

Аня прочла письмо, и перед ней живо встала та недавняя весна, когда она и Марина, молодые комсомолки, решились ехать на Украину.

Ещё шла война, но Киев и Запорожье уже были освобождены. Надо было восстанавливать разрушенные города, поднять взорванный ДнепроГЭС, оживить пустынныя поля, на которых когда-то стояла золотая ишеница, а теперь росли серый бурьян и чертополох.

И тысячи советских юношей и девушек поехали восстанавливать украинские города и сёла, фабрики и заводы. Аня Лошкарёва тоже решила поехать в Запорожье. Там, в руинах и развалинах, на берегу обмелевшего Днепра, лежала мощная электростанция — ДнепроГЭС.

В то время Аня работала избачом в далёком селе на Урале. В тёплой и уютной избе-читальне были размещены географические карты, плакаты, на столе и в шкафах лежали книги, журналы, газеты. Люди приходили к Ане, узнавали от неё последние новости, спрашивали о событиях, которые тогда волновали весь мир. Аня читала вслух газеты, рассказывала о положении на фронтах, по карте показывала продвижение советских войск, писала на фронт письма. Это была интересная, нужная работа. Секретарь Кочкарского райкома комсомола, куда Аня пришла проситься на ДнепроГЭС, удивился, услышав её просьбу.

— Да что ты Аня? — сказал он. — Разве тे-

бе здесь плохо? Разве у тебя не интересная работа?

— Сейчас я нужней там, — твёрдо сказала Аня.

— Да ты подумай! Ведь и тут много дела. Вот скоро начнём Челябинский тракторный расширять.

— Не уговаривай, не доказывай. Для Челябинского завода народу хватит, а на Украине сейчас людей мало: кого фашисты угнали, кого убили, — поеду.

И поехала.

Она ехала девятнадцать суток. Со станции Запорожье она пошла пешком. Широкий Днепр открылся неожиданно, и сразу же Аня увидела мёртвые глыбы бетона вместо сооружений, которые она хорошо знала по газетным и журнальным снимкам.

Аню поселили в шестом посёлке в развалинах каменного дома. Пол выгорел, на обугленной земле лежала солома, окон не было. Но Аня была счастлива: наконец-то она здесь, и завтра, когда начнётся утро, она пойдёт на стройку.

Бригада, в которой работала Аня, расчищала трансформаторные пути. Девушкам приходилось ворочать камни, железо, бетон, но они никогда не жаловались, работали хорошо, быстро и всегда перевыполняли нормы в три—четыре раза.

Недели через две девушек послали ремонтировать жилые дома, Аню назначили бригадиром. Девчата настилали полы, штукатурили и белили стены, красили рамы, перила, крыши. Своего бригадира девчата очень любили и во всём её слушались. Невысокая ростом, русоволосая, круглощёкая, Аня носилась по строительству, как колокол, — бойкая, ловкая, весёлая.

Аня хорошо играла на гитаре. Вечерами девчата собирались в общежитии и пели под аккомпанемент гитары украинские, русские, грузинские песни. А однажды в выходной день на площадке перед общежитием затянули танцы. Принесли новый барабан, но оказалось, что играть на нём никто не умеет.

— Дайте-ка я попробую, — сказала Аня и попыталась за барабаном.

Она села на бревно, умело перекинула через плечо широкий ремень, пробежала пальцами по ладам и вдруг заиграла с такой ловкостью и силой, что все в кругу только ахнули.

В середине лета анину бригаду послали на разборку взорванной немцами щитовой стены. Через круглые отверстия в этой стене когда-то шла вода в турбины ДнепроГЭСа. Теперь кругом беспорядочно валялись огромные каменные глыбы. Девушки разбивали камни кирками и кувалдами, грузили бетонный лом в вагонетки и увозили прочь. Они бились на этой тяжёлой работе с утра до наступления сумерек, только темнота заставляла их

уходить в барак. По утрам на строительстве выходил листок «Комсомольской правды». Он рассказывал о славных трудовых подвигах восстановителей ДнепроГЭСа. Однажды в листке появились стихи про анишу бригаду и фотография всех двенадцати девушек. Девушки были в мешковатых брезентовых комбинезонах, в грубых деревянных ботинках. Но какой радостью и задором светились их молодые лица!

Скоро бригаду послали на постройку левобережного бетонного завода, который надо было выстроить в очень короткий срок; очистительные работы заканчивались, и теперь для строительства новых сооружений срочно требовался бетон.

Опять пошли тяжёлые дни — без отдыха, без выходных. Анина бригада была в карьерах гранита, дробила его и перевозила к заводу. Наступили морозы, а спецовок нехватало, стужа пробирала насквозь. Но девушки ничто не страшило, они торопились закончить стройку. И в марте сорок шестого года бетонный завод был пущён.

Сразу понадобились мотористки. Анина первая стала учиться, а за ней попали и другие девушки. Они быстро научились работать на трёх моторах. Бригадиром мотористов стала Ани.

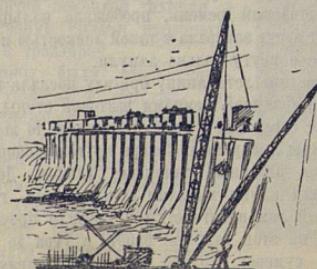
А когда началась кладка новой щитовой стены, Анию назначили мастером на бетонном заводе, который она сама же строила. Правительство высоко оценило труд Ани Лопинской: её наградили орденом Ленина.

В марте 1947 года была пущена первая турбина, и восстановители Днепростроя послали письмо товарищу Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Коллектив строительства «Днепростроя» счастлив доложить Вам, что гордость нашего народа — Днепровская гидростанция имени В. И. Ленина, варварски разрушенная немецкими захватчиками, поднята из руин и вступила в строй действующих электростанций...»

Советский народ вновь возродил ДнепроГЭС. Буйная сила Днепра, превращённая в электрический ток, послушно побежала по проводам, и тысячи новых огней загорелись на стройках новой пятилетки.

ПУТЬ УЧЕНОГО

А. Елагина

Николай Андреевич Леднев помнит как сейчас тесный класс сельской школы, на партах любопытные лица ребят, а у доски — маленькая фигурка в рваной кофте с босыми, заляпанными грязью ногами. Это он, Колька Леднев.

— Ты опять босиком, строго говорит учительница и смотрит на его ноги; он сам с ужасом видит, как грязные пятна расползаются по юбке краю, он робко протягивает листок:

— Задачки я решил...

Как давно это было! Почти двадцать пять лет назад... Может быть, именно тогда и возникла его любовь к математике? Ему нравилось складывать, умножать и делить числа. Это было похоже:

на интересную игру. Но учительница запретила ему приходить в класс босиком. Она была из кулацкой семьи и под разными предлогами гнала из школы детей бедняков. Тогда семилетний Колька пошёл в сельсовет. В школу прислали другого учителя, а ему выдали новенькие сапоги. Колька решал теперь задачи в классе; если никто не мог справиться с трудной задачей, учитель вызывал его, и он с затаинной гордостью давал правильный ответ.

Но это не была ещё настоящая любовь. Когда Ледневы из деревни переехали на фабрику имени Лакина, где отец стал работать ткачом, Николай забросил учёбу.

В большом фабричном общежитии кто-то из рабочих научил его играть на гармони. Инструмент удивительно слушался мальчика. Со всего общежития приходили рабочие слушать, как играет Колька Леднев. Потом его стали приглашать на свадьбы и именины и платить за игру. Заработка отца нехватало на большую ледневскую семью, деньги Николая приились как нельзя кстати.

По вечерам, когда хозяйки расходились по своим комнатам, в огромной кухне общежития собирались подростки. Запирали дверь, рассказывались вокруг тёплой ещё плиты и начинали рассказывать. Каждый старался придумать рассказ пострашнее. Потом ребята играли в щелчки и пожички, курили и хвастались своей силой и ловкостью. Николай жадно слушал и всему приступил верил.

Но вот как-то на кухню пришли два паренька — Гриша и Михаил — ученики школы ФЗО. Они показали ребятам новую игру — шахматы. Николай сразу понял: вот это игра! И когда Гриша и Михаил объявили на кухне шахматный турнир, Леднев вышел на первое место, — его никто не мог обыграть.

На кухне теперь реже рассказывали страшные истории. Говорили больше о шахматах, о деталях машин, о фабричных марках. Большинство ребят поступило учиться в ФЗО.

Однажды Гриша и Михаил объявили, что сегодня их приятели в комсомол. Они с гордостью показывали новенькие комсомольские билеты в мечтали вслух о том, как будут учиться на старшего мастера, а там, чего доброго, и на инженера.

Гриша дал Николаю небольшую книжку. Это была речь Ленина на третьем съезде комсомола. Николай прочёл, потом перечитал ещё раз. По правде сказать, не всё там ему было понятно, но одно он понял: Ленин велел всем молодым учиться, чтобы строить новую, счастливую жизнь. И все учатся: вон и Гриша, и Михаил, и другие ребята из ФЗО. А он? Чем он хуже других? Стало обидно за себя. Николай вытащил свои старые тетради. Вон сколько решил он задачек!

И все правильно — одно действие вытекает из другого, всё равно как, когда играете на гармонии, — нота льется за нотой, и получается песня.

Утром Николай пошёл в школу.

Молоденькая учительница школы-семилетки часто отвечала на вопросы Николая: «Это я объясню в следующий раз».

Дома она рылась в учебниках, искала нужный ответ. Николай прошёл курс математики за все семь классов и теперь самостоятельно изучал логарифмы и тригонометрию. Учительнице приходилось специально заниматься, чтобы руководить учеником. В этом вихрастом светлоглазом пареньке она угадала недюжинные способности.

В ту осень его приняли в комсомол. Был яркий, погожий день. Взволнованный, он убежал в овраг за посёлком, чтобы побывать одному, собраться с мыслями.

Шагая по жёлтым, шуршащим листьям, он строил планы, как будет жить для народа, для Родины, как вырастет, вступит в партию, станет настоящим коммунистом и... выучит всю как есть математику. Под конец он поймал себя на том, что в уме решает уравнение, которое вечером не успел решить.

Николай с трудом открыл глаза. Нестерпимо жгло грудь и руки, весь он был обмотан бинтами и лежал на больничной койке. Что же вчера произошло? В ушах едва стоял треск и вой пламени, рёв скота, крики и плач детей. Кулаки подожгли торфяные разработки. Огонь перекинулся на соседний колхоз. Райком комсомола послал отряд комсомольцев тушить пожар.

Пламя охватывало строение за строением. Комсомольцы оцепили горящие дома и, задыхаясь от дыма, баграми растаскивали брёвна. Им уже удалось сбить огонь, когда что-то ударило Николая по голове, в лицо пахнуло жаром. Больше он ничего не помнил.

Николай шевельнулся и застонал. Подошла сиделка:

— Осторожней, больной, у вас сильные ожоги.

«А как же техникум?» — в ужасе подумал Николай. Всной он окончил школу с отличием, комсомольская организация дала ему путёвку во Владимирский механический техникум, со дня на день мог прийти оттуда ответ, а он лежит.

По дни проходили, а ответа всё не было. И вдруг в больницу прибежал младший братишка. Письмо! «Механический техникум извещает, что Вы допущены к вступительным экзаменам». Экзамены через два дня.

Николай едва дождался обхода врача и, скры-

вая волнение, попросил выписать его из больницы. Врач осмотрел ожоги:

— Через две—три недели, пожалуй...

Николай лежал и плакал от досады, потом решил: «Не выписывают, не надо!» Он попросил младшего братишку привести ему одежду. Ночью тихонько оделся и вылез в окно. Кружилась голова, ноги разучились ходить. До Владимира было двадцать пять километров. Он шёл, ложился на землю, подымался и снова шёл. Утром, когда в техникуме начались экзамены, Николай Леднев, пошатываясь, подошёл к доске и ухватился за неё, чтобы не упасть. Экзамены он выдержал.

То, что говорил преподаватель, было поразительно, необыкновенно. Николай был ошеломлён. Оказывается, математика — незаконченная наука. Не было же раньше геометрии Лобачевского, а теперь есть. И каждый год, даже, может быть, каждый день, математики открывают новые законы, потому что математика беспредельна.

Леднев слушал, и голова у него горела. Значит, он тоже может открыть в математике то, до чего ещё никто не додумался!

Всё свободное от занятий время он теперь упорно работал. Закончив работу, долго хранил её в тайне. Наконец решился показать преподавателю.

— О, вы даже знаете формулу решения кубических уравнений! — заметил тот.

— А вы её тоже знаете?

— Разумеется.

— Но это же я её вывел!

— Как? — изумился преподаватель. — Самостоятельно вывели формулу?..

А Николай чуть не плакал от огорчения. Значит, никакого открытия он не сделал...

И только позднее пришла мысль: он же не знал, что эта формула уже есть, и всё-таки вывел её, значит, когда-нибудь он найдёт такие формулы, которых никто никогда не выводил.

После долгих колебаний Николай пошёл к декану и, запинаясь, рассказал, что отца он не мог обременять, а собственных сбережений хватило только на дорогу. Декан посмотрел на него живыми, понимающими глазами и спросил:

— Работы не бойтесь?

— Никакой!

Через час Николай в фартуке с метлой в руках убрал двор университета.

На первом же экзамене по математике Николай изумил профессоров, представив девять вариантов решения одной и той же задачи. Это был небывалый случай. Его вызвали в приёмную комиссию:

— Объясните, как вы нашли эти решения?

Николай объяснил: он самостоятельно пробовал изучать высшую математику и теперь применил свои знания.

Профессора переглянулись и дали ему доказать теорему из высшей математики. Он тут же нашёл доказательство.

— Мы можем принять вас сразу на второй курс, — с уважением сказал председатель комиссии.

Но Николай отказался. Он хотел пройти весь курс университета, от начала до конца, без скаков и перерывов.

Он стал изучать один за другим капитальные труды по математике, физике, химии, механике, философии. Изучил языки, чтобы в подлиннике читать иностранных авторов.

Комитет комсомола поручил ему создать математические кружки для школьников. Он читал доклады, организовывал лекции и конкурсы, помогал проводить математические олимпиады школьников.

Дни проходили в учёбе, в общественной работе, но мечта о новых открытиях не оставляла Леднева никогда.

Самолёт стремительно рассекает воздух. Мощный паровоз мчится по рельсам. Воздушная арка моста перекинута через реку. Всё это создали инженеры и конструкторы. Но они ничего не могли бы создать, если бы математика не дала им готовые формулы, не открыла математические закономерности скорости полёта, сопротивления воздуха, сопротивления материалов, горения и других физических явлений.

Каждое физическое явление в природе можно, как правило, выразить математической системой дифференциальных уравнений. И советские математики поставили свою науку на службу социалистическому хозяйству. А. С. Предводительев разрабатывает теорию горения, теорию жидкостей. Найденные им формулы необходимы в артиллерию, в паровозостроении. И. Г. Петровский изучает системы дифференциальных уравнений для радиотехники и самолётостроения...

Николай остановился у раскрытых ворот с чугунной решёткой. Наконец-то он в Москве. Перед ним величественное здание Московского университета, широкий зелёный двор. Вокруг — множество юношей и девушек. Неужели он скоро будет студентом? Надо только хорошо сдать экзамены. Но экзамены ещё не начались, а в кармане у него один-единственный рубль.

Леднев избрал для своих исследований алгебру и математический анализ, в особенности теорию дифференциальных уравнений.

Он окончил университет перед самой войной. Ему предлагали идти в аспирантуру. Леднев отказался. Он поступил в научно-исследовательский институт, чтобы его работа, его открытия могли служить самому главному — защите Родины.

 Только в 1944 году, когда наши войска освободили советскую землю от гитлеровцев и радио ежедневно сообщало о новых и новых победах, Леднев решил, что наступило время, когда он снова может взяться за учёбу. Он был принят в аспирантуру Московского университета.

Курс аспирантуры рассчитан на три года. За это время аспирант должен сдать десять экзаменов и защитить кандидатскую диссертацию.

Утром, включив радио, Леднев слушал сводку Информбюро, а затем садился за книгу. Никогда он ещё не занимался с такой жадностью, с таким подъёмом. Ничто не могло его отвлечь. Его окликали — он не слышал, не отвечал. Всё внимание его было сосредоточено на том, что он изучал. Прочитанное запоминалось необыкновенно ярко и легко.

Через неделю он сдал первый экзамен, ещё через неделю — второй. Когда он пришёл сдавать третий, профессор отказался принимать.

— Вы нам срываете план. Курс рассчитан на три года, а вы приходите каждую неделю. Что можно усвоить за одну неделю?

— А вы меня только проверьте, — попросил Леднев. Профессор попался на хитрость, «прверил» и, пожмав плечами, поставил Ледневу «отлично».

За три месяца Николай сдал на «отлично» все десять экзаменов и защитил кандидатскую диссертацию. Ещё через три месяца была готова его докторская диссертация о новом методе решения дифференциальных уравнений с частными производными.

После долгого перерыва военных лет это была одна из первых защит докторской диссертации в Московском университете. На защиту собрались профессора, академики, аспиранты и студенты разных курсов и факультетов.

Николая слушали с напряжённым вниманием. То, что он говорил, было ново, неожиданно. И с мест летели вопросы, выкрикивались возражения. Леднев разбивал возражения одно за другим.

Ледневу была присуждена учёная степень доктора физико-математических наук. Его обступили, поздравляли, желали успеха.

Он не мог говорить. Сильно и часто билось его сердце, горели лицо и руки... Значит, теперь он доктор наук... И, как бывает иногда в самый не-подходящий момент, где-то в глубине сознания вдруг мелькнула маленькая фигура у доски в сельской школе. Кто бы мог тогда предугадать?.. Хотя характер проявился уже в то время. Добился же он своего...

И как тридцать лет назад, когда его пришли в комсомол, Ледневу захотелось побывать одному, сбратиться с мыслями.

Шагая по шуршащим листьям, вдоль оголённых бульваров, он поймал себя на том, что в уме доказывал теоремы новой, уже начатой им работы.

 III прошло три года. Николай Андреевич Леднев написал двенадцать научных работ, получив звание профессора.

Самый молодой профессор в стране, он не намного старше своих студентов. Совсем недавно он сам приходил в эти аудитории слушать лекции. Теперь он передаёт свои знания другим. Он раскрывает перед студентами законы математики, её беспредельные возможности, учит мечтать и творить.

По ночам в комнате Леднева подолгу не гаснет свет. Он пишет свою новую научную работу.

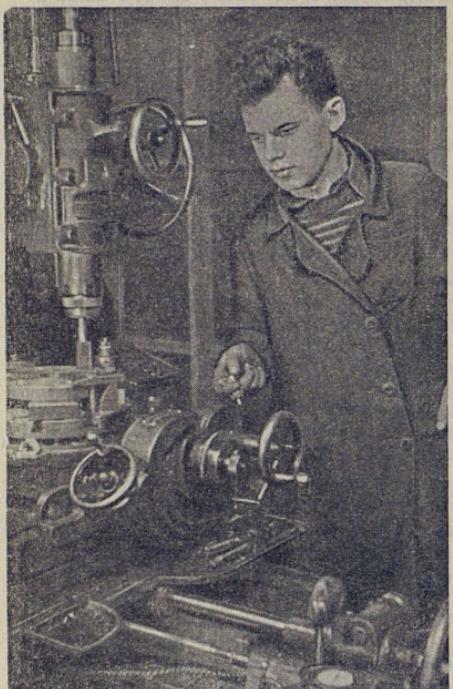
Молодой учёный работает над обоснованием теории переменных алгебраических полей. Эта работа может положить начало новому направлению в современной алгебре. И трудно сейчас предугадать, к каким значительным открытиям в науке она приведёт.

Математике дано не только выводить закономерности уже известных физических явлений. Она может открывать в природе то, о чём ещё не подозревало человечество.

Никто никогда не видал атома, но путём математических исследований и построений было доказано, что атом существует, что в нём таится огромная сила, которую человек может вызвать в жизни. Опыт подтвердил это. Так, на основе математического исследования была создана теория строения вещества, строения атома.

Каждый человек должен держать. И разве не задача коммуниста — открывать новые законы природы, чтобы на их основе перестраивать мир?

И свет в комнате учёного горит до утра.

ТРУДОВАЯ СЛАВА

Г. Рихтер

КОЛЯ СТАНОВИТСЯ СЛЕСАРЕМ

ак тебя звать?
— Боля.
— Николай, значит? Хорошо. А фамилия?
— Горичев.

Слесарь Ревенко разглядывает стоящего перед ним светлолосого коренястого паренька. Немало через его

руки прошло таких молодых ребят. Вот ещё один стоит перед ним. Шапка в руках. Вежливый. Спокойный. Глаза внимательные и сосредоточенные, не разбегаются по сторонам, а смотрят на мастера спокойно, без смущения. От внезапного шипения сжатого воздуха он не вздрагивает и не обращивается. «Кажется, парень дельный», — подумал мастер и сказал дружелюбно:

— Значит, слесарем будешь?
— Нет.
— Вот это интересно! — удивился мастер. — Кем же ты будешь?
— Лётчиком.
— Ловко! Тогда, брат, ты адресом ошибся. Здесь не летают. Здесь работают.

Ревенко не на шутку рассердился. Коле показалось, что он его сейчас прогонит, но мастер, наступивши, только сказал:

— Ты вот что. Клади свою амуницию. Слушай, что я тебе скажу, и выполнай, иначе не успеешь отглянуться, как сделаешься «лётчиком»: полетишь с завода...

И стал Николай Горичев слесарем. Не об этом мечтал Боля. Он мечтал стать лётчиком. Что может быть интереснее этой профессии?! Вот, например, он уже лётчик. По радио сообщили, что где-то рыбаки на льдине унесены в открытое море. Их надо найти, спасти. Взываются Николай Горичев. Он садится в самолёт и летит. Дождь, ураган. Ветер свистит в ушах и швыряет самолёт, как щенку, но Коля крепко держит руль и зорко взглядывается вдаль. Наконец он обнаруживает льдину, с большим трудом приземляется и сажает в самолёт рыбаков. А потом летит обратно. Всё горючее кончилось за несколько километров до аэродрома. И только высокое мастерство Коли спасло людей и машину. Его обнимают, пелют, везут в Бремль, награждают орденом... Или, например, в тайге с одним известным геологом несчастный случай... Или... Да мало ли какие интересные события могут произойти с лётчиком! А что такое слесарь? Исправлять водопровод, чинить замки... Нет, я буду всё-таки лётчиком, так решил Коля Горичев.

Вначале мастер поручал Коле несложные работы. Боля выполнял их старательно и аккуратно, но без особого интереса. Больше всего влекли его к себе чертежи, замысловатые, испещрённые непонятными цифрами и буквами. Коля часто склонялся над ними, как над интересной головоломкой, когда ему удавалось разгадать их, рука становилась твёрже, увереннее. Коля стал понимать, что значит работа слесаря-инструментальщика. Вот, например, где-то на верфях Владивостока решили построить новый корабль особого назначения. Для этого нужны специаль-

ные инструменты и приспособления. На завод поступает заказ. Конструкторское бюро разрабатывает подробные чертежи, которые поступают к слесарю-инструментальщику. Внимательно изучив чертеж, слесарь начинает претворять его в жизнь.

РАБОТАТЬ ИНТЕРЕСНО

вот Коля уже не просто сверлит, долбит или обтачивает металл: он знает место и назначение каждой сделанной им детали. И от этого работать интересно и весело. В его руках новенький, замысловатый, умный и послушный инструмент. Это образец, по которому могут быть сделаны десятки, сотни или тысячи подобных же инструментов. Но их сделают другие рабочие. На столе слесаря-инструментальщика лежит уже другой чертеж инструмента или станка, необходимого при изготовлении нового мотора, новой врубовой машины, нового подъёмного крана, турбины. Да мало ли что нужно нашей огромной, растущей стране!

Настало время, когда Коля раскрыл тайну чертежа. Глядя на истертченную кальку, он уже ясно видел будущий инструмент во всех его деталях, его форму, вес и назначение. Остаётся как будто только точно выполнить чертеж. Но такая работа не по душе КOLE Горичеву. Ему хотелось бы, чтобы, выполнив важную и срочную работу, какой-нибудь строитель, механик или монтер в Николаеве, Комсомольске, Горловке или Ленинграде, орудия инструментом, сделанным Николаем Горичевым, подумал: «Вот славный инструмент! Удобный, надёжный и лёгкий. Работает безотказно. Где же работают те золотые руки, что делали этот инструмент?...». Работий взглянет на руки инструмента. На нём клеймо «Д.К.». «Ах, вот оно что! Завод «Динамо» имени Кирова. Славный завод, хорошие там мастера. Спасибо им!»

Однажды Николаю показалось, что если внести незначительное изменение в чертеж, то инструмент станет более удобным. В конструкторском отделе с предложением Николая согласились. Перед Николаем открылось новое увлекательное поле деятельности. Он уже не только разглядывал ком-то заданные задачи, а сам их перед собой ставил и сам же осуществлял. Он стал рационализатором, беспокойным, вечно ищущим, думающим.

однажды мастер заболел и не вышел на работу. Важная деталь срочного заказа оказалась невыполненной. Николай сам решил её доделать.

Трудно сказать, как это случилось, но деталь он испортил, «запорол». Старший цеховой мастер вызвал к себе Николая. Он ожидал, что виновник станет оправдываться, но Николай коротко сказал: «Виноват я один».

Лицо Николая выражало такое искреннее огорчение, что мастер решил Коле взбучки не делать.

— Комсомолец? — спросил он, внимательно разглядывая Горичева.

— Комсомолец, — ответил Коля и побледнел.

Цеховой мастер, обдумывая что-то, всё ещё разглядывал Николая, потом он чуть-чуть улыбнулся и, взявшись со стола чертёж, сказал Николаю:

— А ну-ка, комсомольское племя, погляди на эту картинку.

Боль склонился над чертежом сложной детали, более сложной, чем та, которую он испортил.

— Сделаешь? — спросил мастер.

Значит, это ему, бракоделу, доверяется такая ответственная работа! Справится ли он? Нужно коротенько разобраться в чертеже. Всё равно, что бы там ни было, надо расшибиться в лепёшку, а сделать.

— Сделаю!

— Норма на такую деталь — пять часов. Успеешь?

— Успею.

Через четыре с половиной часа Николай снова явился к цеховому мастеру. Разглядывая отడеланную, как игрушку, деталь, мастер дивился не столько чистоте работы, сколько этому приземистому, как будто пеппероротливому паренёшку с плотно скоженными губами.

— Подходяще, — скучно похвалил Николая мастер.

С тех пор Николай Горичев и цеховой мастер коммунист Николай Александрович Иванов сделялись зажадчими друзьями.

В Николае Александровиче Коля нашёл отзывчивого и чуткого друга и наставника. Он внимательно следил за работой Горичева, помогал ему советом, показывал, как надо работать. В выходные дни они ездили вдвоём на рыбалку или на охоту. В долгих задушевных беседах Коля Горичев узнавал много нового.

НИКОЛАЙ ГОРИЧЕВ БОРЁТСЯ С ФАШИСТАМИ

Нагрянула война. Несмотря на просьбы Николая Горичева, его на фронт не отправили. Он был обижен и огорчён.

Завод эвакуировался на Урал. Застыли, замерли огромные заводские корпуса. И только в одном из многочисленных цехов едва теплилась жизнь. Здесь Николай Горичев с несколькими товарищами, выполняя ответственные задания, воевал с фашистами.

Немецкие фашисты сожгли жильё Коли. Он стал жить в пещу. Ещё роднее и дороже стал Коле этот пустынный, как будто осиротевший завод. Заброшенные лыжи, шахматы, любимые книжки. Сутками не смыкая глаз, трудился Николай. В общий труд советских патриотов он вносил и свою каплю. В это суровое время Николая постигло страшное, непоправимое несчастье: он потерял отца и мать. Ни единой слезинки не проронил Николай, он только, ещё большие побледнев, глубже запали глаза, на лбу появились морщинки, и он сделался ещё молчаливее.

И сейчас, как и раньше, на помощь к нему пришёл его старший товарищ коммунист Иванов. Он почти насилием уводил Николая к себе, побратски делал с ним свой скучный пайёк, стараясь смягчить страшное колесо горе, от которого он, казалось, оледенел.

Тёплое, дружеское участие старшего товарища, как лучи весеннего солнца, согрело Николая, и он стал приходить в себя. Только в одном он не изменился: он так же ожесточённо, до самозабвения работал.

КОЛЯ СТАНОВИТСЯ НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

Завод «Динамо» снова ожидал после победы, и тут выяснилось, что Николай Горичев при нормальной работе систематически перевыполняет свой план в три—четыре раза. Если по-

глядеть со стороны на то, как работает Николай Горичев, то покажется непонятным, почему этот неторопливый, как будто медлительный человек успевает сделать столько, сколько полагается сделать трём—четырём квалифицированным слесарям.

Творческий, сознательный труд — вот в чём секрет успехов Горичева. Получив новый чертёж, он находит способ, ускоряющий его выполнение. В одном случае экономится десять или двадцать процентов времени, в другом работа ускоряется в три или даже в десять раз. Иногда Горичев добивается этого хитроумным способом, иногда ему помогает счастливая и очень простая догадка... Однажды к Николаю поступили срочный заказ: нужно было изготовить приспособления для изоляции и намотки магнитных катушек. Приспособление это простое и несложное. Оно состоит из металлического стержня с насыщенными на нём пятнадцатью плоскими пластинами. Изолированные друг от друга катушки наматываются на стержень между пластинами. Но... оказывается, что расплавленный изоляционный лак, которым покрываются катушки, проникает в зазор между стержнем и соприкасающимися с ним стенками пластины и образует на катушках заусенцы. Получается непоправимый брак. Значит, надо сделать в пластине настолько плотно прилегающее к стержню «ячко», что оно не пропустит расплавленный лак. Зазор должен быть не больше 0,02 миллиметра. Как добиться такой высокой точности? Обычно это делалось так: на том месте, где должно быть окно, пробивалось небольшое отверстие, а уже потом тончайшим напильником его кропотливо и осторожно расширяли до необходимых размеров. Ничего не получалось. Другого пути для достижения такой высокой точности как будто нет.

Обидным показался Горичеву этот муравьиный труд над такой простой, а главное, срочно необходимой вещью. Думал он, думал и придумал. Вместо того чтобы корпеть над окопечками, он сделал точную металлическую модель стержня с заострённым концом. Он закалил эту модель: сделал её очень твёрдой. В небольшое отверстие, проделанное на месте окошка, он вставил заострённый конец стержня и сильными ударами заставил пройти его через пластину, сделанную из мягкого металла. Окошко, и притом очень точное, было готово. Этот заказ Николай Горичев выполнил в пятнадцать раз быстрее, чем было запланировано...

Горичев не забыл уроки своего старшего друга Николая Александровича Иванова, который внимательно и чутко направлял первые, ещё не уверенные движения молодого слесаря Коли Горичева. Он охотно помогает своим товарищам по работе и терпеливо обучает новичков.

МЕЧТЫ ОСУЩЕСТВИЛИСЬ

огожий летний день 1947 года. Группа рабочих завода «Динамо» в благовещенном молчании вступает в один из залов древнего Кремля. Среди них Николай Горичев. Он и его товарищи чувствуют себя именинниками вдвойне: их родному заводу пятьдесят лет, и они приглашены в Кремль. Появляется председатель Президиума Верховного Совета товарищ Шверник. К нему подходят морик, строитель, шахтёр, железнодорожник, лётчик. Не инструмент ли Горичева помогал сооружать тот корабль, то здание, ту шахту, паровоз или самолёт, на которых прославились эти люди? Очень может быть.

Вот наконец товарищ Шверник вызывает его, Горичева. Улыбнувшись, он пожимает ему руку и вручает орден Трудового Красного Знамени. Сбылась пионерская мечта Николая: он в Кремле, его награждают орденом. Правда, он мечтал быть лётчиком, но мог ли знать десятилетний Коля, что труд слесаря-инструментальщика в нашей стране так же увлекательен, как и всякий другой, если относиться к делу серьёзно и вдумчиво! Нужно только снать, для чего и для кого трудиться.

Осеннее, хмурое утро, но на душе Николая Горичева легко и светло. Он идёт по хорошо знакомым с детства улицам на свой родной завод.

где его не зря ценят и уважают. О трудовых заслугах Горичева красноречиво говорят простые цифры. За полтора года Николай Горичев выполнил на 80,8 процента своё пятилетнее задание. А ведь норма выработки Николая Горичева в два с половиной раза выше средней, обычной нормы слесаря!

Вот он в цеху, у своего рабочего места. К нему подходит вихрастый паренёк и подаёт записку от начальника цеха Николая Иванова. В ней написано: «Прими ученика». Горичев внимательно разглядывает паренёк и вдруг вспоминает себя, когда он двенадцать лет назад переступил порог цеха и так же скромно, как этот паренёк, стоял перед мастером.

— Как твоё имя? — спрашивает Николай Иванович.

— Вася.

— Фамилия?

— Кузнецов.

— Значит, хочешь быть слесарем? Только говори правду. Слесарем или лётчиком?

Паренёк смущённо молчит, потом тихо говорит:

— Лётчиком.

Горичев чуть заметно улыбается.

— Ну... Давай работать. Начнём с пуговицы. Застегни рубашку. Работа наша требует аккуратности и дисциплины. А теперь слушай и смотри. Вот твой рабочее место. Вот твои инструменты. Это будет твой шкафчик. Наведи в нём порядок и позови меня. Я проверю. Понял, Вася?

— Понял.

— Приступай к работе.

И Вася Кузнецов, бросив косой взгляд на непонятный и загадочный чертёж, идёт к своему рабочему месту.

★

Отряд № 17

(Окончание)

А. Рыбаков

Рис. В. Лодягина

УГОЛОК ЗВЕНА

«Пионер своё дело делает быстро и аккуратно», — размахивая молотком, прочитал вслух Генка. Он стоял на верхней ступеньке лестницы, под самым потолком, и прибивал к стене плакат.

— Вот, вот, «быстро и аккуратно», а ты уже целый час ковыряешься, — заметил Слава; одной рукой Слава поддерживал лестницу, а другой держал свисающий конец плаката.

Клуб готовился к торжеству по случаю пуска фабрики на полную мощность. С потолка свисали гирлянды еловых ветвей с рассыпанными в них разноцветными лампочками. Пионеры кончали устройство звеньевых уголков. Пахло свежей елью, столярным клеем, краской.

Все пионеры были в новенькой форме защитного цвета. Костюмы им выдала дирекция фабрики, когда пионеры давали торжественное обещание. Отряду тогда вручили знамя, барабан и горн. Пионерам — галстуки и костюмы.

— Вот, ребята, — сказал директор фабрики, подписывая наряд на материал, — страна наша разута, раздета, только из разрухи вылезает, а для вас ничего не жалеет. Помните это...

Миша стоял, закинув кверху голову, и следил за Генкой. Генка, прибив второй конец плаката, слез и стал рядом с Мишой и Славой.

В центре звеневого уголка помещался выпуклый фанерный щит: «Звено № 1 имени Красного Флота». Буквы были вырезаны в фанере и заклеены красной бумагой. Внутри щита го-

рела электрическая лампочка. Получилось очень красиво.

К ребятам подошёл вожатый отряда Коля Севастьянов.

— Коля, — обратился к нему Генка, — смотри, как мы здорово придумали! Лучше, чем у всех.

— Хорошо, — подтвердил Коля, — а хвастать этим нечего. Ваше звено старше, у вас и должно быть лучше других... Поляков! — обратился он к Мише: — Быстро со звеном на площадку. Там Коровин со своими пришёл.

— Есть! — ответил Миша.

— Смотри, — продолжал Коля, — первая встреча — самая ответственная. Сумеете подружиться — будут ребята ходить. Не фасоньте перед ними, но и не заносчивайте. Держитесь просто. Для первого раза постараитесь вовлечь их в игру.

— Звено Красного Флота, — крикнул Миша, становясь!

ПЛОЩАДКА

Звено выстроилось. Здесь были старшие ребята: звеневая Миша, Слава, Генка, Шура, Зина Круглова — и ещё несколько мальчиков и девочек из других домов.

Они вышли из клуба и строем побежали на площадку — так назывался теперь задний двор. Ничто там, впрочем, не изменилось, только висела сетка для волейбола.

Возле дома, на асфальте, тесной кучкой сиде-

ли человек десять беспризорных. Некоторые из них курили. Все они были в лохмотьях, грязные, с влохмаченными волосами. Только один паренёк был в новенькой серой кепке, вероятно, только сегодня где-то раздобытой. Они сидели тихо, изредка переговариваясь между собой и не обращая никакого внимания на окруживших их маленьких ребятишек, с любопытством разглядывавших странных пристальцев.

Пионеры разделились на две группы и заняли места на волейбольной площадке.

— Ещё шесть человек! — крикнул Миша, приглашая этим беспризорным вступить в игру.

Никто из них не пошевелился. И всё время, пока пионеры играли, они равнодушно сидели в прежних позах.

— Не клюёт, — пропшептал Генка Мише.

Вместо ответа Миша, подавая мяч, сильно ударили его и направил прямо в группу беспризорных. И это не произвело на них никакого впечатления. Только Коровин лениво отбросил мяч ногой.

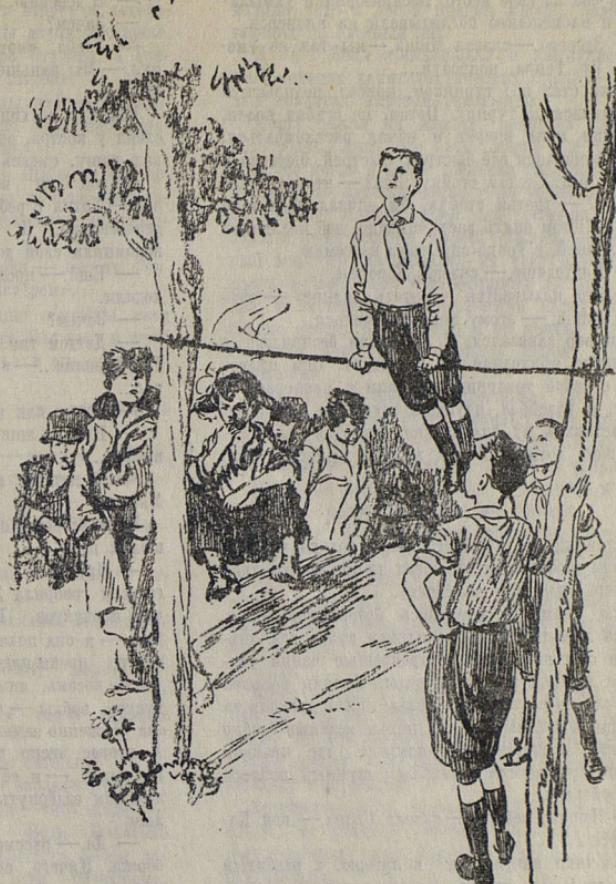
«Конечно, они рассматриваются, сразу их не вовлечёшь, — думал Миша, — только бы они не ушли».

Миша дал свисток. Игра прекратилась. Девочки остались на площадке, мальчики подсели к беспризорным.

— Здорово, Коровин! — сказал Миша. — Как дела?

— Ничего, — нехотя ответил Коровин, — по-маленьку.

— Что это у вас за палка? — спросил вдруг беспризорник с таким обилем веснушек на лице, что их не мог даже скрыть толстый слой грязи, и показал на оборудованный между двух деревьев самодельный турник из водопроводной трубы.

Генка стал под турником, подпрыгнул и ухватился за турник.

— Турник, — охотно объяснил Миша.

— Зачем?

— А вот зачем, — Миша подошёл к турнику, подтянулся, сделал преднос и соскочил. — Сумеешь так?

— Не знаю, не пробовал, — ответил беспризорник.

— А ты попробуй.

Беспризорник лениво встал, вразвалку подошёл к турнику, подпрыгнул, ухватился за турник и выжал стойку. Пальто опустилось ему на голову, в воздухе торчали босые грязные ноги.

Потом он соскочил с турника, вразвалку ото-

шёл и сел на своё место. Беспризорники ухмылялись и насмешливо поглядывали на пионеров.

— Здорово, — сказал Миша, — мы так не умеем. А ну, Генка, попробуй...

Генка стал под турником, присел, подпрыгнул и ухватился за турник. Потом, не сгибая колен, выбросил ноги вперёд и начал раскачиваться. Он раскачивался всё быстрей, быстрей, быстрей и вдруг... раз! Сделал стойку. Два! — вторая стойка. Три! — третья стойка. Он описал несколько кругов. Потом опять раскачивание, всё медленней и медленней, и Генка спрыгнул на землю.

— Подходяще, — сказал Коровин.

— Это называется «вертеть солнце», — объяснил Миша, — этому легко научиться.

Разговор завязался. С этого дня беспризорные ежедневно приходили на площадку. Они приводили с собой товарищей, играли с пионерами в лапту, в волейбол, слушали шуркины рассказы. Но заставить их снять свои лохмотья было невозможно, хотя и стояли жаркие июльские дни.

В ЛАГЕРЕ

Мальчики из мишиного звена только что закончили сооружение большого плота, выкупались и теперь отдыхали на берегу.

Перед ними расстипалось безбрежное озеро. Облака лежали на его невидимом краю, как лохматые снеговые горы. Острокрылые чайки разрезали выпуклую синеву воды. Тысячи мальков шмыгали по мелководью. Белые лилии дремали на убаюкивающей зыби. Их длинные зелёные стебли путались в прибрежном камыше, где квакали лягушки да иногда раздавался шумный всплеск большой рыбы.

— Пошли, ребята, — сказал Слава, — вон Коля идёт.

Мальчики направились к лагерю, к разбитым на опушке леса серым остроугольным палаткам.

В середине лагеря высилась мачта. Завтра утром будет торжественный подъём флага. Из-за крайней палатки доносились крики хлопотавших у костра девочек. Над костром висели котелки. По лагерю быстро распространялся запах подгоревшей кашни.

Из лесу вышел Коля, окружённый беспризорниками, которые теперь часто приходили к пионерам.

«Интересно, куда их Коля водил? — думал Миша. — Конечно, он увлёк их нарочно, пока устраивал лагерь. Они бы заскучали, а может быть, и вовсе разбежались: к работе они не привыкли».

— Вы куда ходили? — спросил Миша у Коровина.

Коровин покосился на стоявших в стороне ребят и тихо ответил:

— В деревню.

— Зачем?

— Хлеба смотрели, молотью... — он вздохнул. — Мы раньше тоже... И корова у нас была... Машка.

Миша с восхищением посмотрел на Коля. Он стоял у костра, окружённый девочками, и пробовал каши, смеясь и дуя на ложку.

«Какой он всё-таки умный, — думал Миша. — Ходил с ребятами в деревню. Ведь все они деревенские. И он повёл туда, чтобы ребята вспомнили свой дом, свою семью...»

— Ещё, — продолжал Коровин, — на станцию ходили.

— Зачем?

— Детдом там... Смотрели, как ребята живут. Там бывшие... — он смутился, — ну, как мы сейчас...

— Ну, и как у них, хорошо?

— Ничего живут, подходяще... Свой огород имеют...

«И в детдом их нарочно повёл», — подумал Миша.

Коля всё ещё стоял возле кухни. Миша подошёл к нему.

— Ну, как я буду всё делить? — плачущим голосом говорила Зина Круглова. — Тут сто всяких продуктов. Никто не принес одинаковые. Вот, — и она показала на разложенную возле костра провизию, — котлет — пять штук, селёдок — восемь, лиц — двенадцать, мяса — девять кусков, воблы — четыре, крупа вся разная... — она обиженно замолчала и вдруг расхохоталась. А второе звено рыбы наловило — шестнадцать пескарей... — и её красное от жары лицо с маленьким вздёрнутым носиком стало совсем круглым.

— Да, — рассмеялся Коля, — мелковата рыбёшка. Ничего, пообедаем, только пальчики оближете...

И действительно пообедали.

Каша чудесно пахла дыром, варёной воблой, а в чае плавали словесные иглы, капельки жира и яичная скорлупа.

Ели сделанными из бересты ложками, рассевшись вокруг костра. Вверху шумели сосны, встревожено каркали вороны. Коля нанизал на шнур кусочки мяса и поджарил шашлык. Всем досталось по маленькому кусочку, но зато шашлык был настоящий...

После обеда Коля построил отряд и сказал:

— Завтра мы с детским домом проведём большую военную игру «Взятие Перекопа». Чтобы не ударить лицом в грязь, сегодня немного по-тренируемся. Вон там будет штаб «белых», — он показал на рощицу на правом берегу озера. — Задача — проникнуть в штаб «белых» и захватить их флаг, — он посмотрел на мишино звено и

продолжал: — «Белыми» будут второе и четвёртое звенья, а руководителей мы дадим постарше. «Врангелем» назначается Шура Огуреев, а Генка Петров — его начальником штаба».

— Почему мы будем «белыми»? — запротестовал Генка. — Раз наше звено «красное», значит, и мы должны быть «красные».

— Действительно, — сказал Шура, — это несправедливо. К тому же у белых не было должности начальника штаба. Он назывался «генерал-квартирмайстером».

— Хорошо, — улыбнулся Коля, — значит, Генка будет «генерал-квартирмайстером».

Шура и Генка были страшно обижены этим назначением, и когда «Перекоп» был взят и штаб «белых» разгромлен, «Врангель» и его «генерал-квартирмайстер» исчезли.

Их долго искали, несколько раз трубили в горн, но они не явились.

— Ничего, — сказал Коля, — придут... Пейте чай, а потом в лес — за хворостом для большого костра.

И в самом деле, к вечеру Шура и Генка явились.

Впереди шёл Шура, а за ним с поникшей головой плёлся Генка.

Они подошли и молча остановились в нескольких шагах от Коля.

— Ну, — сухо спросил Коля, — зачем пришли?

— Мы сдаёмся, — с важным видом объявил Шура.

— Почему вы не явились по сигналу?

Шура начал приготовленную заранее речь.

— Мы решили, — сказал он, — что надо соблюдать историческую правду. Ведь Врангель удрал из Крыма. Вот и мы скрылись, — он помолчал, потом добавил: — А если, по-вашему, это — неправильное толкование роли, то прошу впредь меня «Врангелем» не назначать.

КОСТЁР

Вечером весь отряд расположился вокруг зажжённого на берегу костра.

Луна проложила по озеру сверкающую серебряную дорожку. Под чёрной громадой спящего леса белели маленькие палатки. И только звёзды, перемигиваясь, посыпая друг другу сигналы, сторожили уснувший мир.

Коля рассказывал о далёких, чужих странах. О маленьких детях, работающих на чайных плантациях на острове Цейлоне. О нищих, умирающих на улицах Бомбей. Об измученных горняках Силезии и беспранных неграх в Америке.

Вспыхивающее пламя вырывало из темноты напряжённые лица ребят, галстуки, худощавое

капито лицо с косой прядью мягких волос, падающих на бледный лоб.

И ёщё Коля рассказывал о коммунистах и комсомольцах капиталистических стран — отважных солдатах мировой революции.

Миша лежал на животе, подперев кулаками подбородок. Лицо его было жарко от близости огня, по ногам и спине пробегал тинущий с озера холодок. Он слушал Коля, и из темноты, нависшей вокруг костра, перед ним вставали суровые образы бесстрашных людей, сокрушающих старый мир. Он представлял их себе идущими на казнь, мужественно переносящими пытки в тюрьмах и застенках, подымавшими народ на восстание против буржуазии. И он мечтал о жизни, подобной этой, до последнего вздоха отданной революции...

Коля кончил беседу и приказал дать отбой. Протяжные звуки горна всколыхнули воздух и дальним эхом отозвались за верхушками деревьев. Все разошлись по палаткам, и лагерь уснул.

Миша не спал. Он лежал в палатке и через открытую полость смотрел на звёзды.

Рядом с Мишей, вытигнувшись во весь свой длинный рост и с головой накрывшись одеялом, спал Шурка Большой. За ним, съжившись и чуть посапывая, — Слава. А вон ворочается Генка... Ребята спали на мягких еловых ветках, уткнув головы в самодельные, набитые травой подушки.

Миша думал о Коле: «Откуда он всё знает? Наверно, читает много... И как он успевает? Работает на производстве, учится на рабфаке, вожатый отряда, член бюро ячейки... Да, это настоящий комсомолец!»

Хрустнула ветка. Миша прислушался. Это часовые. Из палатки девочек послышался тихий, приглушенный смех. Наверно, Зина Круглова. Ей всё смешно.

Шаги часовых удалились, смех в палатке девочек прекратился, и всё стихло. Миша заснул.

Потухший костёр круглым пятном чернел на высоком залитом лунным светом берегу.

ГЕНКИНА ОШИБКА

Совет отряда постановил передать в комсомол группу пионеров, в их числе Мишу, Генку, Славу, Шуру Огуреева и Зину Круглову. Ячейка РКСМ уже их приняла, и они готовились к приёмной комиссии райкома.

Миша очень волновался. Ему не верилось, что он станет комсомольцем. Неужели исполнится его самая сокровенная мечта? Он с тайной завистью поглядывал на комсомольцев, заполнивших коридоры в комнатах райкома. Интересно, что они испытывали, когда проходили приёмочную комиссию? Тоже, наверно, волновалось. Но у них всё это позади, а он, Миша, робко стоит перед боль-

Миша вошёл в большую комнату, где заседала комиссия.

шой, увешанной разными объявлениями дверью. За этой дверью заседает комиссия, и там скоро решится его судьба.

Первым вызвали Генку.

— Ну, что? — кинулись к нему ребята, когда он вышел из комиссии.

— Всё в порядке! — Генка молодецки сдвинул свою будёновку набок. — Ответил на все вопросы.

Он перечислил заданные ему вопросы, в том числе, какой кандидатский стаж положен для учащихся.

— Я ответил, что шесть месяцев, — сказал Генка.

— Вот и неправильно, — сказал Миша, — год.

— Нет, шесть месяцев! — настаивал Генка. — Я так ответил, и председатель сказал, что правильно.

— Как же так? — недоумевал Миша. — Я сам читал устав.

Вызвали Мишу. Он вошёл в большую комнату, где заседала комиссия. Сбоку у стола сидел Коля Севастянов. Миша робко сел на стул.

Председатель, белобрысый паренёк в косоворотке и кожаной куртке, торопливо прочёл мишуину анкету, поминутно вставляя слово «так». Поляков — так, Михаил Григорьевич — так, учащийся — так...

— Это наш актив, — улыбнулся Коля Севастьянов, — вожатый звена и член учкома.

— Ты своих не хвали, — отрезал председатель, — сами разберёмы.

Миша ответил на все вопросы. Последним был вопрос о кандидатском стаже. Миша знал, что год, но Генка... И он нерешительно сказал:

— Шесть месяцев...

— Неправильно, — сказал председатель, — год. Ну, ладно, иди...

Всю дорогу из райкома Миша и Слава ругали Генку. Слава тоже неправильно ответил.

— Теперь, — говорил Миша, — всех примут, а нас нет.

Подавленный всеми случившимися, Генка молчал и только яростно дышал на замёрзшее стекло трамвая.

Через несколько дней в школе должно было состояться комсомольское собрание.

— Может быть, все не идти? — предложил Слава. — Очень интересно, как другим будут комсомольские билеты вручать!

— Именно поэтому мы и должны быть на собрании, — сказал Миша, — а то ещё больше замсмеют.

...Мальчики поднялись по лестнице, тихо вошли в переполненный зал и стали у дверей.

В глубине зала виднелся стол президиума, стоявший на возвышении и покрытый красной матерью. На стеле, над широкими окнами, висело

красное полотнище с лозунгом: «Пусть эксплоататорские классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариев нечего в ней терять, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир». Миша едва разобрал эти слова. Бесцветный диск февральского солнца блестел в окнах нестерпимым блеском, яркие его лучи кололи глаза.

Коля Севастьянов вончал доклад. Он закрыл блокнот и сказал:

— Товарищи! Сегодня решением бюро Хамовнического районного комитета РКСМ принят в комсомол первая группа лучших пионеров нашего отряда, а именно...

Приятели покрасели. Генка и Слава стояли потупившись, а Миша, не отрываясь, до боли в глазах, смотрел на солнце, и всё окно казалось ему покрытым тысячью маленьких блестящих дисков.

...а именно, — продолжал Коля и слова открыли блокнот: — Воронкина Маргарита, Круглова Зинаида, Огуреев Александр, Эльдаров Святослав, Поляков Михаил, Петров Геннадий...

Что такое? Не слышали ли они? Приятели посмотрели друг на друга, и... Генка в порыве восторга стукнул Славу по спине.

Потом все встали и запели «Интернационал».

Блестящий диск за окном разгорался всё ярче и ярче. Сияние его ширилось и охватывало весь горизонт с дальными очертаниями домов, крыши, колоколен, кремлёвских башен.

Помощники

3. Александрова

Жнейка в поле колхозном стрекочет,
Где недавно строчил пулёмёт,
У колхоза с утра и до ночи
Боевая работа идёт.

Урожаю колхозницы рады,
Новый хлеб новой жизни подстать,
Обгоняют друг друга бригады,
Соревнуются с дочерью мать.

Что ни колос, то вкусная пышка,
Что ни сноп, — каравай молодой,
А по жнивью бегут ребятишки,
Угощают холодной водой.

Улыбается рот освежённый:
«Вам большое спасибо, сынки!»
Тяжелы вы, с водою бидоны,
И по зною пути нелегки.

По полям, за дозорные вышки,
Километра четыре пути...
Но уходят опять ребятишки,
Чтобы свежей воды принести.

Фронтовик, председатель колхоза,
Загоревший от летних работ,
Говорит: «Молодцы водовозы!
Нам хорошая смена растёт!»

Хорошо, когда, прочитав книгу, чувствуешь: она не скоро забудется. И не просто потому, что в ней описаны разные занимательные происшествия, а потому, что она задела за живое, ответила на вопросы, которые ты не раз сам задавал себе, а если и не ответила, то заставила о многом задуматься.

Книжка «Стожары» — именно такая. В ней рассказано о пионерах — шестиклассниках села Стожары. Здесь не так давно побывали немцы. Многое разру-

шено, многих нет в живых, в селе только женщины, старики и ребята. Все они работают не покладая рук. И во всём, что затевается на селе, самое горячее участие принимают ребята.

Под началом замечательного умельца и чудоеда старика Векшина ребята работают на опытном участке, выращивают невиданные прежде в этих краях южные культуры и небывало стойкий сорт пшеницы, заботливо ухаживают за каждой былинкой на своём участке. Случилась как-то беда: пшеницу помяли. Они стали подымать и выпрямлять каждый колосок.

Эти ребята все разные, непохожие: один горяч и самолюбив, другой тихий, степенный, третьего не сразу разгадаешь, не сразу поймешь, какой же он. И от этого ещё интересней от страницы к странице следить за тем, как всё яснее, отчётилев становятся характеры героев и их отношения между собой.

Повесть рассказывает о дружбе, о доверии, о прямоте и честности, о том, что делает дружбу прочной и верной или, напротив, ненадёжной, легковесной.

И ещё одно правдиво и беспорно показывает эта книжка:

нельзя оставаться равнодушным к тому, что происходит вокруг тебя. Оглянитесь вокруг, как оглянулись стожаровские ребята, и вы увидите, что для каждого из вас найдётся хорошее, нужное, интересное дело, надо только уметь видеть и не бояться работы.

Все, кто живет и действует в этой книге, — старый колхозник Захар Векшин, и учитель Андрей Иванович, и ребята — всей душой любят своё село, свой колхоз, свой родной уголок земли: он для них краше и дороже всего, и им хочется сделать его ещё лучше, прославить его большими, хорошими делами. Красота звёздного неба складывается из несчтного множества звезд, и каждое занимает свою определённое место, загорается в положенный час, и в этом огромном звездном мире свою долю красоты и света вносит скромное созвездие Стожары. И так же на земле своё место занимает село Стожары и вносит в земную жизнь свою долю красоты. А красоту земли создают люди, их дела, их труд. Об этом хорошо, интересно рассказывает книга Алексея Мусатова «Стожары».

В. Гальченко

СОДЕРЖАНИЕ

Славный путь	1 стр.	
Комсомольский значок. — Евг. Долматовский	3	
Рассказы о воюющих	4	
Судьба одного корабля. — А. Некрасов. Рис.		
Б. Бинокурова	10	
На выставке «Комсомол в Отечественной войне».	20	
Паша Ангелина. — А. Славутский	22	
Бригадир Аня. — В. Юрзанский	25 стр.	
Путь учёного. — А. Елагина	26	
Трудовая слава. — Г. Рахтер	30	
Отряд № 17. — Окончание. — А. Рыбаков. Рис.		
В. Лодягина	34	
Помощники. — З. Александрова	39	
В мире книг	40	

На обложке: картина Я. Титова „Принят в комсомол“.

Редакция: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 9/Х-48 г.

Изд. № 783.

82×110.

1/16 бум. листа.

А — 09464.

76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л.

Тираж — 58 000.

Заказ 2139.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Первая серия

Сценарий и постановка—лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств РСФСР **Сергея ГЕРАСИМОВА**

Главный оператор

—лауреат Сталинской премии, **В. РАПОПОРТ**

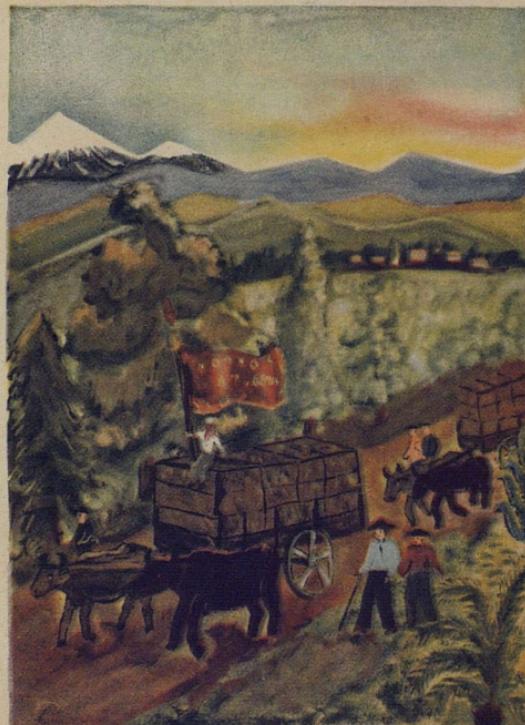
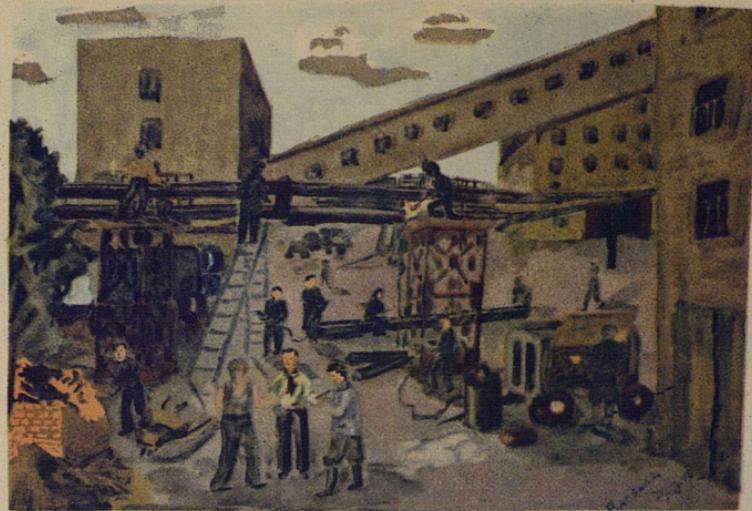
Композитор

—лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР
Д. ШОСТАКОВИЧ

Художник

—заслуженный деятель искусств РСФСР **И. СТЕПАНОВ**

ПРОИЗВОДСТВО МОСКОВСКОЙ КИНОСТУДИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ имени М. ГОРЬКОГО 1948 г.
ВЫПУСК «ГЛАВКИНОПРОКАТА»

В честь тридцатилетия комсомола в Москве открылась 3-я Всесоюзная выставка детского изобразительного творчества. Лучшие свои работы прислали ребята в подарок комсомолу. Здесь и скульптура, и вышивка, и резьба по дереву. Но особенно много на выставке рисунков.

Вот два из них: внизу — рисунок Олега Артигера из Сухуми «Табак государству»; наверху — «Прокладка газопровода» Данилы Валешко из Киева.